

Глава 1. Образ предпринимателя в русской прозе: исторический портрет.

1.1. Особенности подхода к анализу текста художественного произведения и представлению образа центрального персонажа в прозаическом тексте.

Как было сказано во «Введении», образ предпринимателя в русской прозе будет рассматриваться с точки зрения того, как в нем репрезентируется концепт «предприниматель» с целью выделения важнейших его признаков, а также типов общественной оценки, типичных для разных периодов развития русской литературы. Кроме того, важно выяснить, обнаруживается ли в современной литературе новый тип данного концепта, сформировавшийся в постсоветский период, или же можно проследить, как развиваются и сохраняются определенные признаки в рамках одного прототипа.

Очевидно, что объективную картину можно получить лишь при проведении тщательного текстового анализа прозаического произведения. С этой целью производится сплошная выборка и вычленение всех фрагментов текста, относящихся к представлению персонажа (героя) художественного произведения. В таком случае интерес для нас будут представлять именно центральные образы, т.к. второстепенные или внесюжетные персонажи могут быть представлены лишь некоторыми своими сторонами, для автора может быть существенна лишь одна характеристика, деталь в раскрытии такого образа.

Кроме того, важно отметить, что необходимо выделять и анализировать не только те фрагменты, где персонаж представлен «глазами автора», но и те, где он представлен в перспективе отношений персонаж – персонаж/персонажи и в саморефлексии, т.е. в оценке персонажем себя самого, своих действий, мыслей, чувств, внешности и т.д. Естественно, что для русской литературы XIX и начала XX века важен и такой аспект, как способ восприятия текста читателем: человеком той далекой эпохи, современником автора, читателем советского времени или же, наконец, читателем современным. Однако эти стороны не будут

находится в центре нашего внимания, они могут служить темой отдельного научного исследования.

Итак, анализ художественного текста в нашем исследовании будет не собственно литературоведческим, но культурологическим и лингвистическим, или интегративно-филологическим. Актуальность такого типа анализа связана тем, что в современной филологической науке активно разрабатываются вопросы, связанные с интерпретацией художественного текста как объекта междисциплинарных исследований (Что восходит к традициям анализа художественного текста, идущим от работ акад. В.В. Виноградова и проф. И. Р. Гальперина. ср., напр.: Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. - М., 2004; Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. - М., 1998; Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Томск, 2006;; Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. - М., 2003).[7; 17; 23; 142]

В то же время литературоведческие положения, связанные с определением образа художественного произведения подчеркивают важность его анализа и понимания не только для литературоведения, но и для культурологии в целом. Так, проф. Л. Чернец пишет, что уже аксиомой является восходящее к эстетике Гегеля положение о том, что «художественный образ – результат творчества, «очищения» предмета от всего случайного, нехарактерного» [206], на основании этой традиции в большинстве литературоведческих школ «образ трактуется как неразложимое единство общего особенного, индивидуального». [там же] При этом можно вспомнить гегелевский пример: не только рафаэлевские мадонны, но все матери способны к «благоговейной и смиренной» материнской любви, однако не всякая форма женского лица способна полностью выразить такую глубину души» [там же].

Для нас важно, что образ в литературном художественном произведении есть представление того типичного, существенного, что большой писатель обнаруживает в своей эпохе и в то же время презентация образа дает представление о том, какими были языковое сознание и лингвокультурная ситуация того периода развития русского общества. То есть мы рассматриваем образ как представление такой текстовой категории как персонаж литературного произведения. Характеристика персонажа художественного текста - это область, далекая от исчерпывающего описания. В этой сфере пересекаются интересы лингвистики, литературоведения, истории, психологии, философии. Как показывает опыт последних десятилетий развития науки, наиболее значимые результаты при анализе образа персонажа дает интегративный подход. Ещё раз подчеркнем, что в нашем исследовании мы опираемся на данные разных наук, однако главной своей задачей считаем лингвокультурологический анализ языковых средств создания образа. Вслед за Н.Г. Наумовой¹ отметим, что «суть такой текстовой категории, как персонаж, весьма точно отражена в определении Л. Н. Чурилиной, которая рассматривает эту единицу текста как «целостное смысловое образование и самостоятельный "субъект системы" (текста), "сознание, реконструируемое при восприятии текста"» [209, с. 9]

¹ В своей диссертации Н.Г. Наумова показывает, что образ П. И. Чичикова является вербализацией концепта «Предприниматель» и отмечает следующее: «Анализ образа как включающего процессуальные и непроцессуальные характеристики возможен только с позиций деятельностного, динамического подхода к анализу эксплицирующих его языковых средств. Центральное место в структуре образа занимают языковые средства, дающие процессуальные характеристики персонажа. Процессуальные характеристики персонажа (модель поведения) м.б. представлены как некое упорядоченное целое лишь с опорой на понимание деятельности как целенаправленного процесса, включающего мотивационный блок, стадию принятия решения, стадию фактического осуществления задуманного и верификацию как этап сличения полученного результата с задуманным». [136].

Таким образом, если принять за доказанное (в диссертационных исследованиях Ивановой, Милехиной, Наумовой и др.), что признаки концепта «Предприниматель», равно как и любого другого концепта «Деятель» (назовем его так условно на базе традиций функциональной лингвистики) выражаются в характеристиках персонажей художественного произведения, попытаемся индуктивно выделить те существенные характеристики, которые выражены в тексте реалистического романа/ повести, и систематизируем их.

Прежде всего, в структуре образа можно выделить непроцессуальные характеристики (внешность, вещный мир,) и процессуальные характеристики (модель поведения персонажа, в т.ч. манера общения, деятельностный аспект). Далее выделим признаки/характеристики перцептивные и когнитивно-рефлексивные (сознание и внутренний мир персонажа).

В таком случае систему характеристик (и стоящих за ними признаков концепта «Предприниматель») можно представить в следующем виде:

Х а р а к т е р и с т и к и

Далее, важно отметить, что концепт «Предприниматель» входит в концептуальное пространство «Предпринимательство/Деловая активность в России» как центральный концепт, обозначение деятеля. Этот концепт тесно связан с такими концептами концептуального пространства в целом, как

«Деньги», «Дело», «Совесть» и «Стыд», «Власть», «Закон и законность», «Труд и отношение к труду», «Работник и отношение к работнику».

1.2. Предпринимательство как реальный социокультурный феномен и как объект художественного освоения.

Целью этого раздела является краткий анализ смыслов, вкладываемых в понятие «предприниматель», что необходимо для компетентного разговора о специфике проблемно-тематического содержания произведений на эту тему, особом типе героя – носителя специфических черт и своеобразии жанровой формы, в которой отражался и отражается образ жизни целого социального слоя российского общества в прошлые и нынешние времена. Это поможет разобраться в той совокупности черт, которые делают этот феномен привлекательным не только для делового или научного, но и для художественного взгляда. Специфический «бизнесологический» тезаурус поможет точнее сформулировать и филологические проблемы, возникающие при знакомстве с произведениями о русских предпринимателях, в которых финансово-экономические перипетии всегда связаны с вопросами нравственного выбора, поиска путей к истине, стремления к идеалам добра, справедливости, гармонии материального и духовного.

Существует множество трактовок бизнеса: социологические, экономические, психологические, гендерные и проч., и каждая представляет смысл этого понятия в специфическом ракурсе. Термин "предприниматель" часто употребляется как полный синоним слова "бизнесмен", то есть он рассматривается как та ключевая фигура, которая делает бизнес. Психологи считают, что среди качеств, необходимых для успешной предпринимательской деятельности, должны быть адаптивность, воля, гибкость, изобретательность, индивидуализм, интуиция, находчивость, оборотистость, поиск новых решений, практичность, предприимчивость, склонность к риску, смелость, способность развиваться, умение контактировать с людьми, умение планировать и многое другое.[38, 58] Анализ художественных текстов о предпринимателях любой

литературной эпохи показывает, что эти качества неизменно составляют психологическое ядро героя. С другой стороны, отсутствие какого-то из них неминуемо реализуется в особой сюжетной линии, связанной с судьбой Дела в целом, отношениями с партнерами, конкурентами и клиентами. В этом случае специфические деловые свойства приобретают сюжетообразующую роль. В культурологическом плане такой отход от прототипа также очень интересен. «Психология человека, а значит, и психология бизнеса, часто оказывается намного загадочнее, чем это кажется на первый взгляд».[58] В этом замечании видится общее для всей литературы проблемное поле, на котором выросли художественный мир реалистических романов о предпринимателях.

Что же касается собственно истории слова и понятия *предприниматель* в русском языке и русской культуре, можно отметить следующее:

Слово *предприниматель* (производное от глагола *предпринимать*) в русском языке появилось довольно поздно, сначала употреблялось лишь слово *предприятие*.² Впервые слово *предприниматель* зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля в статье **ПРЕДПРИНИМАТЬ** (-нимаю или *предпринимать* (-емлю); предпринять или предпрять что, затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело,

² «Предприятие» означало в XVI веке «предвзятое мнение, предубеждение; заранее задуманное действие, умысел»[Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992.]. Современное значение это слово приобрело только в XVIII веке как книжная калька с немецкого *Unternehmung*[Фасмер]. В русском глаголе *предпринимать*, а затем и в отглагольном существительном сохранился изначальный состав семантических компонентов: «затевать; решиться исполнить новое дело; приступить к совершению чего-либо значительного»[Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1991]. Но параллельно утверждалось и производное от заимствованного значения — «владелец или хозяин предприятия»[Брокгауз Ф. А. и Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Том XXV. СПб., 1898.]. В толковых словарях советского времени *предприниматель*, прежде всего, — «капиталист, ...человек, склонный к аферам, ловкий организатор выгодных предприятий»[Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939.]; «предприимчивый человек, делец»[Ожегов, Цит. По: Милехина].

приступать к совершенно чему-либо значительного. Мы предпринимаем устройство пароходного сообщения, затеваем, намерены или хотим устроить. ...Предприниманье, предпринятие, предприятие или предприем, предприемка, действ. по глаг. | Предприятие, что предпринимается, самое дело. Такое предприятие требует огромных средств. *Предприимчивый торговец, склонный, способный к предприятиям, крупным оборотам; смелый, решительный, отважный на дела этого рода. -вость, свойство, качество и способность эта. Безрассудная предприимчивость опасна, неразумна. Предприниматель, -ница, предпрятель, -ница, предпринявший что-либо. (разрядка наша)[234/Том 3]*

Таким образом, уже при первом же толковании слов предприниматель, предприимчивый торговец находим указание на такие черты, как способность к риску (предприятиям, крупным оборотам); смелость, решительность, отвага Академик В.В. Виноградов, возводя русское предприниматель к французскому *entrepreneur*, отмечал: «В журнально-публицистическом языке 50-х годов XIX в. это слово звучало как неологизм. Например, В. Безобразов писал: «Нам уже не раз случалось употребить выражение хозяин предприятия вместо французского антрепренер. Иначе мы не умеем перевести это слово: и едва ли возможно передать ближе на русском языке понятие, соединяемое с французским названием. Хотя и употребляется у нас слово антрепренер, — но в нем есть что-то не только чуждое языку, но и чуждое экономическим условиям народной промышленности... Название антрепренер в понятиях нашего народа название как-то не серьезное, не соответствующее его насущным потребностям; до сих пор употребляют слово антрепренер, когда говорят о какой-нибудь заморской затее для общественного увеселения, о театре, о кочующих труппах комедиантов, музыкантов и проч., о чем-то непостоянном, случайном. Но антрепренер и не мог у нас получить того народного значения, какое соответствует этому слову на Западе. У нас есть название: подрядчик, барышник, хозяин. Все эти слова заключают в себе многие экономические

понятия, связанные со словом антрепренер; но подрядом нельзя назвать всякое промышленное предприятие; барышничество — представляет одну только сторону деятельности антрепренера и притом с некоторою примесью не совсем честного, по крайней мере правильного труда; название хозяин, близко соответствуя значению антрепренера, имеет за собой действительное его употребление на народном экономическом языке, — хотя до сих пор скорее в менее важных, промышленных делах. Наконец производное — предприниматель кажется нам слишком искусственным, слишком книжным, а книжные экономические названия, не подходящие ни под действительные экономические факты страны, ни под народные понятия, всегда кажутся чем-то чуждым, враждебным науке, которой лучшее, в настоящее время, начало, лучшее убеждение — это необходимость исследования только действительных фактов жизни» (Безобразов В. О промышленных предприятиях//Русский вестник. 1856, т. 2, кн. 2, с. 314—315). [цит. по 27]

Итак, родиной слова «предприниматель» (entrepreneur), по мнению многих авторов, считается Франция. Оно появилось там ещё в XII-XIII вв. Первоначально так называли людей, которые устраивали парады, шествия, руководили общественными работами и государственными программами. В XIV в., как зарегистрировано в некоторых исторических свидетельствах, под предпринимательством стали понимать определенные способности: ловкость, умение. В XVI в. оно использовалось для определения профессии. И лишь с XVIII в. понятие приобрело современное значение, характеризующееся такими словами, как «изобретательность», «новаторство», «знание того, как делать», «искусство», «профессия», «труд». И в то же время подразумеваются хитрость, ловкость в делах, убеждение, что нельзя в делах пренебрегать честностью и требованиями морали. В хозяйственной деятельности постепенно формировалось такое определение предпринимателя, которое и сегодня очень распространено во французском обществе: предпринимателем считается «всякая личность, которая управляет предприятием, ведя его за собственный

счет, используя различные факторы производства (природные ресурсы, труд, капитал), с целью продажи продукции или услуг». [27]

Понятие «предприниматель» имеет свои национальные нюансы (и россияне в этом отношении не исключение). Специфические особенности этого типа людей формировались под влиянием среды и условий проживания на данной территории. В отличие от Западной Европы³ национальный характер и

³ В Европе Нового времени ученые, философы 17-18 вв., анализируя природу и развитие предпринимательской деятельности, пытались выявить наиболее важные ее особенности. Уильям Петти (1623-1687 гг.), один из первых идеологов предпринимательства, твердо отстаивал принцип экономической свободы в хозяйственно-экономической деятельности. Он считал частную собственность священной и неприкосновенной, а деление общества на богатых и бедных – вечным и неискоренимым принципом любого общества (при этом он был категорическим противником роскоши на одном «полюсе» и чрезмерной нищеты на другом). Затем Ричард Кантильон (1680 -1734 гг.) обратил внимание на такую важную сторону коммерции как риск. Он, видимо, был первым, кто ввёл в научный оборот понятие «предприниматель». Предприниматели, к какой бы сфере деятельности они ни относились – «фермеры, кондитеры, производители, торговцы или все те, кто взял на себя ответственность за снабжение», одинаково покупают по какой-то определённой цене, чтобы продавать по цене неопределённой (в момент покупки они не знают ни уровня спроса, ни уровня конкуренции). Подвергая себя риску, связанному с колебаниями спроса на продукцию, предприниматель имеет «неопределённый доход», который и отличает его от представителей других классов общества. Он отмечал рисковую деятельность таких людей, гибкость их хозяйственного поведения, нестандартность принимаемых решений. Адам Смит (1723-1790 гг.) считал предпринимателем человека, который использует капитал собственника для извлечения дохода. На рубеже XVIII-XIX вв. француз Жан-Батист Сэй следующим образом охарактеризовал предпринимателя: «...необходимо, чтобы предприниматель был человеком состоятельным, известным своим умом, благоразумием, любовью к порядку, честностью и чтобы в силу этих свойств он мог получить капиталы, которых сам не имеет». [Цит по: <http://teenbiz.ru/other/kto-takoj-predprinimatel-istoriya>]

В конце XIX в. произошло разделение понятий «предприниматель» и «собственник на капитал». В первой половине XX в. большой вклад в развитие теории предпринимательства внес Йозеф Аллоиз Шумпетер (1883-1950 гг.). В своей работе «Теория экономического развития» он рассмотрел экономическую систему не как пассивный процесс обращения фондов, а как постоянно развивающуюся динамическую систему.

государственность у далёких предков русских формировались в условиях феодализма, на широких пространствах Руси и в суровом климате.

Так, известный русский историк В.О. Ключевский обратил внимание на очень странное сочетание в русском народном характере, с одной стороны, расчётливости, а с другой – странной склонности принимать «подчас, очертя голову» самое, что ни на есть, безнадежное и нерасчетливое решение. По его мнению, в этом проявлялось воздействие «своеобразия и капризов природы», которым противопоставляется «каприз собственной отваги». Эта склонность дразнить счастье, играть с удачей, как он полагал, и есть «великорусский авось». Другой, не менее парадоксальной чертой русских, по его мнению, являлось сочетание способности к самому напряженному труду и одновременно к длительному безделью: «Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс, однако нигде в Европе не найти такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в Великороссии». [88] Этот парадокс он объяснял природными условиями: сочетанием очень короткого лета, требующего напряжения всех сил, и вынужденного безделья в осенние и зимние месяцы. Большое влияние на великоросса, как писал В.О. Ключевский, оказали условия расселения и тот факт, что человек должен был работать не на открытом поле, на глазах у всех, подобно обитателям южных окраин Руси, а часто в одиночку, в глуши леса с топором в руке. Поэтому великоросс лучше работает один, когда на него никто не смотрит, и с трудом привыкает к дружному действию общими силами. [88]

Он указывал, что, во многом, именно природа страны, обусловила эту странность и невозможность для россиян рассчитать перспективы развития. Поэтому великороссу присущи в большей степени осмотрительность, чем

Одна из самых сложных задач предпринимателя, по мнению современных аналитиков, – это поиск новых идей (от нового промышленного продукта до новой организационной структуры) и их реализация.

предусмотрительность, способность больше замечать последствия, чем заглядывать вперед. Это умение, по словам В.О. Ключевского и есть то, что по-русски называется «задним умом». Хотя, надо отметить, поговорка «русский человек задним умом крепок» вполне соответствует и современной действительности.

Итак, в русском языковом сознании отмечены разные особенности характера человека, занимающегося «делом» в России (причем часть этих свойств типична для русских людей в целом), а также разные способы и цели самой деловой деятельности. Отсюда очевидно, что для лексического обозначения концепта «предприниматель» используются разные лексические единицы. Так, например, поиск в Национальном корпусе русского языка в первом приближении дает следующие результаты (отметим общее количество вхождений во всех типах текстов и отдельно – только в художественных текстах:

Таблица 1

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫХ ЛЕКСЕМ, ВЫРАЖАЮЩИХ КОНЦЕПТ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ» В МАТЕРИАЛАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА.

В художественных текстах:⁴

Во всем корпусе:

Лицо:	Документов
Предприниматель	337
Купец	337
Менеджер	347
Бизнесмен	5270
Торговец	337
Коммерсант	720
В текстах со снятой омонимией Приказчик	337
Делец	666
Частник	337
Торгаш	260
Содержатель	250

Документов	Вхождений
2079	4930
1965	10814
1546	3068
1506	2767
1264	2677
720	1319
693	3281
666	1313
280 ⁴⁷	485
260	491
250	428

Источник: <http://ruscorpora.ru/mycorpora-main.html>

По данным толковых словарей, восходящих к советской лексикографической традиции, слово «предприниматель», сохраняющее налет книжности, в современном русском языке выражает два значения: 1) капиталист — владелец промышленного или торгового предприятия; 2) аферист — ловкий организатор выгодных дел, предприятий.

Высокая частотность исторических слов «купец», означавшего представителя третьего сословия в Российской империи, и «приказчик», говорит о том, что Корпус русского языка в большой мере ориентирован на тексты 19 – начала 20 века.

По данным «Толкового словаря русского языка конца XX века. Языковые изменения» слово *Бизнесмен* трактуется как 1. Организатор бизнеса, предприниматель, коммерсант; Теневой бизнесмен, занимающийся незаконной предпринимательской деятельностью, теневым бизнесом. 2. Разг.: о мошеннике, жулике (брачный бизнесмен) [240]

Нетрудно заметить, что наиболее частотными являются лексемы «Предприниматель, Бизнесмен, Менеджер, Торговец, Делец, а также

словосочетание деловой человек». Наименования женщин встречается крайне редко.⁵

В обстоятельном диссертационном исследовании М.М. Ивановой указывается, что «Концепт «Предприниматель», являясь одним из актуальных и коммуникативно релевантных концептов русской национальной концептосферы, обладает широким номинативным полем, объемной когнитивной структурой, имеет яркое ядро и ближнюю периферию, отчетливо выраженное общенациональное концептуальное ядро, однако содержит достаточно яркие противоречивые когнитивные признаки, свидетельствующие о том, что данный концепт переживает период становления в современной российской концептосфере и требует особых методов анализа». [74] М.М. Иванова на базе анализа словарей, опроса информантов и изучения современных публицистических и художественных текстов обнаружила 175 лексических единиц (слов, словосочетаний, окказиональных наименований) данного концепта. Признаки этого концепта могут быть объективированы разными способами, Исследователем был выделен 181 когнитивный признак. При этом отмечается, что наибольшее число когнитивных признаков дает публицистическая объективация - 150, наименьшее – экспериментальная объективация – 57, и художественная объективация представлена 74 когнитивными признаками, т.е. дает некую среднюю картину. Т. Милехина, также исследовавшая образ современных российских предпринимателей в

⁵ Следует развести три похожих внешне, но различных по смыслу понятия - *предприниматель*, *предприимчивость* и *дух предпринимательства*. Предприниматель - это роль в бизнесе, предприимчивость - особое качество, присущее человеку независимо от того, в какой сфере деятельности оно проявляется, и дух предпринимательства - это характеристика состояния людей определенной исторической эпохи. Ее можно обнаружить в эпоху великих географических открытий, "пионеров", покорявших пространства Америки и Океании, а также у морских пиратов, разбойников, авантюристов, путешественников, чьи биографии читаются, как приключенческие романы. Важно отметить ту естественность, с которой вписывается в поэтику произведений о предпринимателях авантюрная составляющая: она проявляется как в сюжетике, так и в способах типизации героев.

публицистике и в художественном тексте и на базе данных экспериментов с носителями русского языка, отмечает: «Изучение классической и современной художественной литературы, мемуаров, публицистики, кинофильмов и телесериалов показало, что современные стереотипы отношения россиян к предпринимателям, соотносимые к тому же с издавна сложившимися в российском обществе стереотипами отношения к богатым людям как к владельцам нечестно нажитого богатства, морально ущербным, нарушающим общепринятые нормы поведения и т.д., уходят корнями в религиозные, философские, этические нормы русской культуры, тесно связаны с образами художественной литературы, поддерживаются в настоящее время социально-экономическими условиями, сложившимися в постсоветской России» [133]

Интереснейший материал для наблюдений дают описанные психологами пути в предпринимательство: под давлением обстоятельств, путь из специалистов в предприниматели, предприниматели по традиции, предприниматели по природе и «инкубаторные предприниматели», которые в российской практике еще чрезвычайно редки. Каждый путь предполагает достаточно устойчивый алгоритм действий в реальной жизни, а в литературном произведении реализуется в соответствующей жанровой и сюжетно-композиционной структуре. Для литературы XIX в. типичен путь вхождения в бизнес по традиции, который связан с проблемой наследования. В этом случае важно то, что «будущий бизнесмен исходно знает о предназначении ему судьбе, живет в атмосфере родительского или родственного бизнеса, с детства усваивает часть опыта и, главное, этику ведения дел».[53] Эта ситуация подвергается глубокому психологическому анализу в произведениях о предпринимательстве как в русской, так и в зарубежной литературе середины XIX–начала XX вв. («Обломов» И.А. Гончарова, «Домби и сын» Ч. Диккенса, «Приваловские миллионы» Д.Н. Мамина-Сибиряка, «Дело Артамоновых» М. Горького, «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Трилогия желания» Т. Драйзера и др.)

Не менее интересными для литературы являются те проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели, и что, по сути, определяет специфику бизнеса как сферы жизнедеятельности и среды обитания. Это не только сложности финансового и экономического характера. Не менее важно то, что «начинающий предприниматель в перспективе гораздо больше ориентирован на прошлое, чем на будущее. Однако его реальные действия, его выбор детерминированы прошлым опытом, накопленными умениями, освоенной специальностью, пристрастиями, в крайнем случае – теми возможностями, которые уже сегодня существуют и опробованы на рынке».[58]

В поэтической системе такого произведения важная роль принадлежит категории художественного времени, которое максимально уподобляется реальному историческому времени, где прошлое, настоящее и будущее связаны в непрерывном движении и детерминируют друг друга по законам причины и следствия. На эту ось накладываются, в нее вплетаются или – наоборот – выбиваются из нее индивидуальные модели реальности, сотканые из психологического времени персонажей. В представлении образа предпринимателя писатель выделяет те или иные стороны его личности и аспекты его деятельности, что связано не только с его личным выбором, но и с представлениями его эпохи, социальной группы, к которой он принадлежит и другими факторами. Соответственно, мы можем обнаружить те признаки концепта «Предприниматель», которые важны для этой эпохи и социальной группы российского общества.

В числе природных признаков предпринимательства психологи называют неизбежность риска: именно в этом и состоит одна из ключевых особенностей "свободного предпринимательства". Этот риск прост и конкретен: на карту поставлены собственные, или, что страшнее, – чужие средства, которые необходимо вложить в дело и вернуть обратно, желательно с прибылью. Если учесть авантюризм самой природы свободного предпринимательства, то формируется набор качеств, обладающих эстетической привлекательностью:

сочетание рисковости с авантюризмом, активное движение во времени и пространстве, азарт, острота ситуаций, необходимость взаимодействовать с одними людьми и противодействовать интересам других, преодолевать неблагоприятные обстоятельства и испытывать постоянное давление. Тут можно вспомнить произведение такого типа с главным героем, сочетающим в себе большинство перечисленных качеств, героем на все времена – Робинзоном Крузо, а сам роман Д. Дефо как классический роман, в котором авантурный сюжет выстроен согласно алгоритму, «путь в предпринимательство под давлением обстоятельств» с четким бухгалтерским обчетом затрат и выгод. В этом образе писателю удалось воплотить родовые качества особого человеческого типа: предпринимателя, наделенного предприимчивостью, выражающего дух предпринимательства, присущий эпохе великих географических открытий. Благодаря этому Робинзон Крузо можно рассматривать как общекультурный архетип буржуазного общества. В русской литературе такого художественного опыта не наблюдалось до середины XIX в. Часть указанных качеств сочетает в себе герой поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» Чичиков. Определенный интерес представляет также диалог Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах», в которой приводятся авантурные истории быстрого обогащения.

В работах, посвященных процессу формирования научных представлений о предпринимательстве, уходящим корнями в зарубежные экономические теории XVII-XVIII вв., анализируются иные аспекты. Этот процесс был долгим и сложным, и теоретики каждого нового поколения добавляли все новые оттенки и признаки в это понятие.[58, 100] К настоящему времени к известному уже набору личностных свойств делового человека добавился еще ряд профессиональных черт: готовность и способность брать на себя инициативу соединения ресурсов земли, капитала и труда в процессе производства товаров и услуг, если этот процесс обещает стать прибыльным.

Предприниматель также берет на себя задачу принятия основных стратегических решений в процессе ведения бизнеса, определяющих основной курс деятельности предприятия. Он должен обладать даром, позволяющим быстро оценивать многообразную информацию. Обычно это новатор, стремящийся ввести в оборот на коммерческой основе новый продукт, новые производственные технологии или новые формы организации бизнеса. Предприниматель – это человек, рискующий своим временем, трудом, деловой репутацией, а также вложенными собственными и акционерными средствами.[89] То же характерно и для российского предпринимательства в целом⁶

Приведенные материалы дают достаточно полное представление о том, что к

⁶ С историко-культурных позиций немаловажно то, что российское предпринимательство существует более тысячи лет: уже в IX - X веках русские предприниматели торговали с Царьградом, Хорезмом, Багдадом, со странами Востока, с городами Ольвия, Херсонес, Боспор и другими. Российское государство, опираясь, прежде всего, на предпринимательство и частную инициативу, сумело освоить огромные просторы, поскольку политическое освоение новых территорий шло одновременно с экономическим освоением этих пространств, с развитием торговли, строительством городов и поселений. Какими же представляются русские деловые люди того далекого времени? В характере великороссов отмечались черты, способствовавшие развитию предпринимательства: *«чувство меры*, которое уравнивает все разнообразные душевные порывы, движение увеличения всяких других чувств и страстей, соразмеряет важность различных целей и силу наличных способов их достижения. Важным качеством делового человека тех времен считался *практический расчет* – умение сосредоточиться на ближайших и важнейших целях жизни и пожертвовать в момент действия всеми и менее отдаленными, менее необходимыми и менее достижимыми, хотя бы и самыми возвышенными целями». [88] Характерными для русских купцов того времени были такие черты, как бодрость духа, не позволяющая предаваться излишнему самообольщению при успехе и излишнему унынию при неудаче, всегда дающая рассудку господство над порывами чувств, *самообладание* среди разнородных и противоположных потребностей жизни и стремления к их удовлетворению; *трезвость характера*, не позволяющая увлекаться никакими чувствами и страстями, удаляющими от раз поставленной задачи, от начатого предприятия; *сила воли*, непрерывно поддерживающая». [88] И эти особенности характера стали важнейшим фундаментом для русского предпринимательства, определяя его успехи более чем на тысячу лет.

настоящему времени предмет «предпринимательство» как реальный феномен исследован во всех его основных родовых признаках, причем перечисленные признаки рассматриваются не как раз и навсегда закрепленная и неподвижная данность.

Можно также сказать, что наблюдается явная тенденция к «обытовлению» имиджа предпринимателя, стремление приблизить его к уровню массового восприятия, и именно в этой точке сходятся бизнес, реклама, гуманитарные технологии и художественная литература, в которой созданный сознательными рекламными усилиями имидж переходит на уровень поэтического образа. Авторы нашего времени раскрывают в своих произведениях широчайший спектр проблематики, связанной с бизнесом, его сущностью и видами, особенностями национального менталитета российского бизнеса, гендерной специфики, и так далее [145, 146, 148, 149, 161] Множество тем связано с технологией создания корпоративного имиджа и индивидуального «лица российского бизнесмена», обладающего харизмой настоящего лидера. Многие реальные сюжеты носят явный авантюрно-криминальный характер и читаются как увлекательные повести. [113, 139, 149, 161] Правда, о степени художественности такого рода произведений можно говорить, лишь учитывая весь опыт классической русской литературы, которая открыла для себя этот феномен почти два столетия назад.

1.3. Традиции изображения предпринимателя в русской литературе: из истории вопроса.

Одним из вопросов, возникающих при обращении к теме предпринимательства в русской литературе, является вопрос о традициях: интересовала ли эта тема писателей прошлых эпох, был ли для них

привлекателен сам предмет изображения и с каких оценочных позиций создавался его портрет. Ни одно литературное явление не возникает на пустом месте, поэтому внимание исследователей привлекают его возможные корни и истоки. О том, что научный интерес к традициям изображения предпринимателей и предпринимательства в русской художественной литературе принимает устойчивый характер, свидетельствует содержание диссертационных исследований, статей в научных журналах, докладов на научных конференциях, Интернет-публикаций. Так, М.В. Брянцев в статье «Образ купечества в русской литературе к. XVIII – первой половины XIX в». пишет: « для «купеческих» пьес второй половины XVIII в. было характерно то, что они были написаны с разных позиций: в одних купечество обличалось, в других - только осмеивалось, бралось под защиту - в третьих. ...Один из «детей» русского купечества Н.А. Солодовников писал об этом времени: «Фигура купца с настойчивым упорством начинает овладевать вниманием русских писателей. И чем дальше, тем больше».[24] Далее исследователь отмечает: «И воспеваемое, и ненавидимое купечество упорно врывается в русскую жизнь.» Русская литература, в основном создаваемая представителями дворянства, населила сознание русского читателя многочисленными отрицательными образами купцов и предпринимателей. Как правило, русские купцы изображались полуграмотными дикарями, безжалостно обдиравшими благородных и культурных, но... бедных дворян. Слово "купец" стало синонимом бессовестного жулика, готового совершить любые подлости во имя наживы.[24]

Как пишет Н.Н. Зарубина в своей статье, посвященной анализу отражения русской литературой XIX – начала XX вв. феномена российского предпринимательства: «Отражение художественной литературой ... того или иного социального и культурного явления приобретает не только чисто художественное, но и познавательное значение, может способствовать пониманию характера того или иного явления русской жизни и его места в

истории культуры. Поэтому исследования истории российского предпринимательства будут неполными без анализа его изображения в художественной литературе соответствующего периода» .[70]

С другой стороны, как отмечает Н.Н. Зарубина, «положение о том, купец и предприниматель как члены общества, субъекты социальных и нравственных отношений получили низкую оценку у творческой интеллигенции, стало почти общим местом в современной ... историко-филологической и социальной мысли». [70, с. 11] Естественным представляется обращение исследователей-филологов как к самим художественным произведениям на эту тему, созданным в прошедшие эпохи, так и к оценкам критиков – их и наших современников. Общей идеей и целью этих работ является анализ самой литературной традиции и понимание корней и причин сложившегося в русской литературе противоречивого, а порой негативного имиджа предпринимателя.

На основе проведенных исследований можно сделать определенные выводы. В 60-80-х гг. XIX в. российское общественное сознание отметило, что в обществе сформировался новый человек, человек-практик, строитель, реформатор, видящий главный фермент жизни не в идеях, а в деньгах. Дальнейшее процветание народно-хозяйственной жизни зависит от наличия энергичного человека, предпринимателя и его активной деятельности, которая должна быть поднята до большой культурной высоты. В этой ситуации от литературы требуется отказ от стереотипного образа «лишнего человека» и создание воодушевляющего образа героя, наделенного непреклонной волей и талантами преобразователя. Такого героя в литературе еще не было, да и по поводу самой предпринимательской деятельности и ее смыслов единодушного мнения тоже не было. Можно сказать, что русская литература получила социальный заказ на создание художественно достоверного позитивного образа предпринимателя, с деятельностью которого было связано представление о будущем России.

Отвечая на вопрос, почему так произошло, исследовательница указывает на тот факт, что именно в России деловые люди и интеллигенция, сначала дворянская, а затем и разночинская, кардинально противостоят друг другу по их отношению к миру. Почти всех предпринимателей объединяет отношение к миру, которое Макс Вебер называл «практической рациональностью», а для творческой интеллигенции, которая являлась «амальгамой зеркала русской культуры» [60, с. 3], был характерен тип сознания, который, по классификации М. Вебера, можно назвать «ценностной рациональностью», ориентацией образа жизни и деятельности на реализацию неких нравственных, религиозных, идеологических ценностей. [22]

Таким образом, традиция раскрытия образа предпринимателя и моральной оценки его как члена общества уходит своими корнями в литературную среду 1840-х – 1860-х гг. Один из современных исследователей отмечает, что время, на которое пришлось творчество Н.С. Лескова, во многом напоминает ситуацию рубежа XX и XXI веков: «Это было время возникновения новой, капиталистической структуры общества, время накопления первоначального капитала и быстрого экономического развития. В этот период в стране была введена свобода частной торговли; правительство воздерживалось от вмешательства в экономические дела и поощряло частную инициативу». [81] В практике бизнеса были нередки биржевые спекуляции, кража казенных и общественных денег, создание фальшивых акционерных обществ, целью которых было обмануть мелких вкладчиков. И тот, и другой период характеризуется появлением приобретателей, которые оказались на вершине общества. Лескова эта ситуация интересовала прежде всего с нравственной стороны, и художественный конфликт в его произведениях строится на противопоставлении не просто богатства и бедности, а богатства и праведности. У Лескова «образы приобретателей и предпринимателей нередко противопоставлены образам праведников. Праведник - это характерный для творчества Лескова тип положительного героя...». [81]

Надо отметить, что тип героя-праведника не только в творчестве Лескова, но и в произведениях других писателей второй половины XX в. изучен гораздо глубже, чем тип героя-предпринимателя. Для русской литературы типична такая характеристика: «Предприниматель - это такой тип героя, который стремится за счет использования других людей и их несчастий повысить собственный социальный статус и материальное положение». [81] Такое кардинальное противопоставление вполне укладывается в традиции русской культуры, русского национального характера, который, как отмечал Н. Бердяев, сам полярен и отличается любовью к полярным же крайностям. Так, Н. Лесков для создания яркого художественного образа чаще всего прибегает к приему контраста, создавая ситуации, в которых раскрываются черты, типичные для праведников (честность, добросовестность, способность творить добро) и для предпринимателей (эгоизм, готовность использовать любые средства для достижения своих целей). «Герои-праведники, - говорит в заключение - как правило, умирают, и с ними умирают старые ценности. Путь же героев-предпринимателей не завершается в пределах сюжета произведения, но они не создают новые традиции, поскольку - с точки зрения Лескова - власть предпринимательства не несет духовного начала». [81] Кроме того, предпринимательскому, прагматическому подходу к жизни противопоставлялась «этика служения», генетически дворянская. «Дворянству присуще нравственное сознание, названное польской исследовательницей истории морали М. Оссовской рыцарским этосом, переходящим в аристократизм, который основан на сознании прирожденного благородства, демонстративном престижном потреблении, патернализме, но в то же время и этике служения в государственническом и военно-патриотическом смыслах» [60, с.3]

Важно отметить, что на самом раннем этапе художественной реализации темы предпринимательства писатели обратили внимание на скрытую в нем

угрозу бездуховности и разрушения личности под властью грубых накопительских инстинктов. Хотя положительный образ предпринимателя (который, надо отметить, значительно реже встречается в русской литературе, чем отрицательный тип такого героя), так сказать, *истинный предприниматель*, может быть подчеркнуто аскетичен, абсолютно чужд роскоши и внешней демонстрации своего богатства. В то же время, он, как когда-то «идеальный» помещик выступает как отец, наставник и благодетель по отношению к своим работникам. Таков Константин Бахарев в «Приваловских миллионах» Д.Н. Мамина-Сибиряка, таков Осетров у П.Д.Боборыкина (в романе «Китай-город»).

Интересные положительные образы предпринимателей представлены в пьесах А.Н. Островского, Например, таков один из героев комедии «Бешеные деньги» (1869 г.) Савва Геннадич Васильков. Как отмечает автор: «Провинциал, лет 35. Говорит слегка на «о», употребляет поговорки, принадлежащие жителям городов среднего течения Волги... говорит «шабер» вместо сосед. Провинциальность заметна и в одежде.» [цит. по 64] Отметим, что автор подчеркивает близость такого героя к народу (далее читатель узнает, что Васильков жил и питался вместе с простыми работниками, хотя по происхождению он дворянин). Васильков – положительный человек и в бизнесе (он совершенно уверен, что нажить миллионное состояние в России можно честным путем), и в личной, семейной жизни (он искренне любит свою жену, уверен, что скромность в жизни семьи необходима и для успеха в денежных делах). В то же время он расчетлив и настойчив, и можно верить, что он станет одним из русских миллионеров-меценатов и сможет научить членов своей семьи разумно распоряжаться капиталом. Правда, данная пьеса не входит в состав произведений российской школьной программы, равно как и в состав текстов, отобранных для нашего исследования. Однако показателен тот факт, что и у обличителя «темного царства» обнаруживаются положительные образы деловых людей нового времени.

Кроме того, необходимо учесть отмеченное исследователями и критиками сходство отмеченного периода с рубежом XX - XXI-го вв., в обоих случаях большую актуальность приобретает проблема нравственного состояния бизнес-сообщества, от которого зависит будущее России. В этом контексте важно выяснить, какой философско-эстетический и социально-нравственный смысл русская культура усматривала в таких ключевых понятиях, как «слово» и «дело», поскольку они лежат в основе философско-эстетического и социально-нравственного содержания русской культуры и литературы второй половины XIX века. В понятиях "слово" и "дело" в русской классической культуре» рассматривается сложная и противоречивая динамика отношения в российском обществе к теоретической мысли (Слово) и практической деятельности, направленной на преобразование общества (Дело). Отмечая особую роль слова, словесности в русской культуре, Б.В. Кондаков рассуждает следующим образом: «Однако сам характер взаимоотношений русской словесности (Русского Слова) и общественной деятельности (Русского Дела) - величина переменная, меняющаяся на разных стадиях историко-культурного процесса» [94]

Продуктивной кажется мысль о том, что «процесс развития русской литературы на протяжении XIX в. можно представить как поиск оптимального соотношения между Словом и Делом в характере героя и в его поступках». [83] Б.В. Кондаков прослеживает, как на протяжении XIX в. литература меняла свое отношение к людям Слова и людям Дела, все больше склоняясь в пользу последних. «Под "Делом" в данном случае, - поясняет он, - обычно имелось в виду либо социальное преобразование всего общества в целом (общественно-полезная деятельность), либо участие в конкретных делах, приносящих конкретную пользу представителям социальных низов - "народу" (деятельность врача, учителя). В русской литературе конца XIX в. (в первую очередь, в 1880-е годы) актуализируется образ человека Дела и меняется само представление о Деле: это прежде всего - активное

предпринимательство, участие в создании банков, фабрик, заводов и других компаний, т. е., в конечном счете, экономическое преобразование страны». [94] Этот исследователь делает важное наблюдение по поводу критериев оценки писателями своих героев: «они делаются более строгими, а авторское сочувствие и соучастие по отношению к человеку нередко сменяется судом над ним». [94] Наконец, даже высказывается мысль о том, что образ героя-предпринимателя, созданный русской литературой 1880-х годов, оказался весьма далек от национального идеала. «Проблема, поставленная русской действительностью и подхваченная литературой, - делает он вывод, - заключалась в том, что необходимо органически соединить Дело со Словом, а Слово - с Делом, т. е. придать Делу одухотворенность, теорию сделать практичной, а предпринимательство - духовным. Попытки соединить Слово и Дело, теорию и практику продолжались и в русской литературе XX в., создавшей целую галерею типов героев и антигероев "новой" действительности». [94]

Из приведенных выше научных материалов видно, в каком направлении движется критическая и литературоведческая исследовательская мысль. Отмечена безусловная связь между историческим социально-экономическим процессом – формированием класса предпринимателей - и появлением художественных произведений, в которых русские писатели не просто фиксируют или объективно описывают этот процесс и его субъектов, но создают некие поэтические модели с определенным набором выразительных средств. В критике одновременно идет сложная аналитическая работа, направленная на осмысление реального феномена – предпринимательства - и степени его эстетического освоения. Но и писателей, и критиков, и современных исследователей в одинаковой степени волнует морально-нравственный аспект предпринимательства, отраженный на разных уровнях общественного сознания.

С точки зрения истории вопроса и постановки исследовательской проблемы важно и то, что внимание исследователей привлек художественный материал, получивший в критике часто неоднозначную, но в целом подавляюще негативную оценку. Это типы героев, воплощающих идеи Дела, которых авторы находят в творчестве Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, Н.Г. Чернышевского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, М.Е. Салтыкова-Щедрина, П.Н. Боборыкина, И.Н. Потапенко. Методологически важным аспектом проблемы является то, что эволюция темы предпринимательства в русской литературе, вплетается в историю развития литературы «основного потока» и является составным элементом художественного мира многих выдающихся писателей. Она нашла отражение в разных жанровых формах – от сатирических и гротесковых, как у Н.В. Гоголя и Н.Е. Салтыкова-Щедрина, до социально-психологических, как у Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Названные в общих списках имена П.Н. Боборыкина и И.Н. Потапенко наводят на мысль о том, что и в те времена этой проблемой интересовались писатели, которых можно отнести к авторам «массовой» литературы. В целом же этот корпус текстов свидетельствует о доминирующей в русской литературе традиции реалистического повествования, в котором есть место нраво- и бытописанию, психологическому анализу, столкновению экономических и социально-политических идей, мечте о светлом будущем, романтизму, идеализму и приземленному натурализму. В начале XX в. данной теме и типу героя уделили серьезное внимание также писатели-реалисты, ставшие классиками советской литературы: М. Горький: «Фома Гордеев» и затем «Дело Артамоновых», К.Федин: «Города и годы» и позже трилогия «Первые радости» (1940-е гг), В. Шишков «Угрюм-река» (1930-е гг.) Интересен и опыт комического освоения темы предпринимателя-авантюриста в романах И. Ильфа

и Е. Петрова, в которых образы А. Корейко и О. Бендера продолжают и замыкают традицию, начатую образом Чичикова.⁷

Один из аспектов исследуемой проблемы видится в том, в какой степени предпринимательство было освоено русской литературой и отражено в типе героя. Структура проблемы находится в прямой зависимости от

⁷Поступательное движение темы внутри русской литературы через XIX век к XXI-му прослеживается и в ряде журнальных публикаций, появившихся в последние годы. В статье С. Ше «От Чичикова до Ханина: без изменений» само название сразу делает прозрачной позицию автора: в центре внимания – неизменно отрицательное отношение русских писателей к предпринимателям. «Русская классическая литературная традиция ...предпочитает обходить стороной вопросы накопления и преумножения богатства и уж если живописует образ бизнесмена, то иначе как жадным и бесстыдным человеком его не изображает. Эта проблема тесно связана с особым мирознанием русского человека, с историческим и духовным развитием России. Кажется, ни один писатель не решился наделить положительными чертами богатого человека — от Плюшкина до Лопахина в русской классической литературе все богатые люди сплошь люди жадные и несимпатичные». [211] Такое отношение к предпринимательству и богатству проходит, по мнению автора, через все этапы развития русской литературы. «Под влиянием этой традиции, озабоченной больше существованием бедного, но духовного человека, сформировался особый архетип русской реалистической литературы... И этот архетип, помноженный на безрадостный и мистический опыт Серебряного века русской литературы, плавно перекочевал в социалистический реализм». [211] Современная русская литература, по мнению Станислава Ше, унаследовала эту традицию: «... до последнего времени писатели не могут обойти вниманием сложившийся мифологический образ предпринимателя — образ нечестного, нечистого на руку вора. Если каким-то образом честный человек начинает заниматься предпринимательством, то рано или поздно он становится отрицательным персонажем, все симпатии авторов на стороне бедного, иногда пропивающего последние деньги, человека. Конечно, как и в далеком XIX веке, на периферии литературного процесса еще случаются более-менее симпатичные образы бизнесмена... Но не эти персонажи являются стилеобразующими, преломляющими сложившуюся мифологию русской литературы. Причины этого — вдобавок к классической традиции — еще и в бурной политической и экономической жизни 1990-х.». [211]

содержания концептов «предпринимательство» и «предприниматель» и представленности в художественном произведении разных их признаков, степени погружения писателя в специфику этой сферы деятельности и психологию ее представителя, отношения общества к предпринимательству и предпринимателям, а также отношения автора к изображаемым субъектам. Важным аспектом проблемы является историческая перспектива, в рамках которой проходило формирование, развитие и становление самой художественной формы и современное состояние ее модификаций. В разделах, посвященных анализу конкретных текстов, об этом будет сказано более подробно.

Отметим, что в близкой нашему исследованию по тематике работе М.М. Иванова анализирует, наряду с публицистическими, и современные художественные тексты о предпринимателях. Любопытно, что в этом качестве выступают в основном произведения так называемой массовой литературы: С.Бестужева «Одинокая волчица» М. Серова «Шкурный интерес», Н.Смирнова «В день желтого тумана» Ю. Шубин, «Один против всех» Е. Попов «Открепительный талон. Политический рассказ». И.Гольман «Похищение Европы», Т.Устинова «Олигарх с Большой Медведицы». Как видим, предпочтение отдается «женским» детективным и авантурным романам и повестям. Таким образом подчеркивается, что раскрытие образа предпринимателя – тема злободневная и в первую очередь этот спрос удовлетворяется за счет поп-литературы. Напрашивается параллель таких авторов, как Т. Устинова, М. Серова, А. Маринина и др. с творчеством таких писателей конца XIX в., как Боборыкин и Потапенко.

Каков же результат анализа? М.М. Иванова в разделе своей диссертации «Единицы, объективирующие концепт «предприниматель» в русском художественном тексте» приводит основные лексические единицы, номинирующие концепт в художественном тексте. Это, как она их именует, системные лексические единицы: олигарх 39; бизнесмен 36; предприниматель

16; хозяин 15; владелец 13; новый русский 13; банкир 8; миллионер 8; коммерсант 4; делец 4; купец; торговец; частник; челнок 2; барыга; бизнес-леди; брокер; галерейщик; промышленник; работодатель; толстосум; фарцовщик; хозяйка 1 и другие. Всего – 33 лексические единицы.[74] Приводятся и окказиональные образования: акула издательского бизнеса; богатырь российского бизнеса; бизнесменчики; буржуй; деловая женщина; деловой человек; деловые люди; купец-декадент; нелегалы-миллионеры; новый плутократ; один из новых столпов отечественной экономики; хозяин-олигарх; простой российский магнат; производители гвоздик;. Всего –14 лексических единиц.[74]

Историко-культурный и сравнительный анализ произведений «эпоса нового времени» позволяет сделать выводы, касающиеся эволюции жанров социально-психологической прозы и их современного состояния. В списке произведений, которые стали объектом тщательного анализа, уже традиционно оказываются и «Обломов» Гончарова, и «Приваловские миллионы» Мамина-Сибиряка, а в последнее время – все чаще – «Лето Господне» И. Шмелева, но он был бы неполон и не отражал бы чрезвычайно важного этапа развития темы, если бы за пределами проблемного поля остался роман М. Горького «Дело Артамоновых», в котором усматривается «обогащение романной формы», а сами предметы изображения обретают новые смыслы. В целом же этот корпус текстов свидетельствует о сильной традиции реалистического повествования, в котором есть место нраво- и бытописанию, психологическому анализу, столкновению экономических и социально-политических идей, мечте о будущем, романтизму, идеализму и самому приземленному натурализму. Первыми в этом ряду стоят поэма Н.В. Гоголя «Мёртвые души» и роман И.А. Гончарова «Обломов».

1.4. Поэма Н.В.Гоголя «Мертвые души». Образ героя. (Реализация концепта предпринимателя в образе Чичикова в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»).

Если рассматривать структуру поэмы как развернутое представление образа русской дороги (согласно М.М. Бахтину), то и развертывание текста поэмы – это некая дорога от первого знакомства с героем, Павлом Ивановичем Чичиковым в первой главе до детального раскрытия истории жизни и истории характера героя в 11 главе. Кроме того, нужно подчеркнуть, что принцип развертывания русских синтаксических структур состоит в том, что в начале ставится известная информация, а в конце – новая, важная, привлекающая интерес читателя/слушателя. Если текст поэмы – также большое, развернутое высказывание, синтаксическое построение, то становится ясным, что в начале текста должны приводиться наиболее общие сведения о герое, а затем добавляются все более важные детали и подробности.

Образ Павла Ивановича Чичикова – один из наиболее сложных и интересных образов в русской литературе. Сам автор в поэме подчеркивает, что рассматривать человека положительного не так интересно, как характер человека, способного на самые неожиданные поступки. «А добродетельный человек всё-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку; потому что праздно вращается на устах слово: добродетельный человек ... Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!» [217, с. 115]. Автор «Мертвых душ» подчеркивает: «Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне, но столбовые или личные -- бог ведает. Лицом он на них не походил» [там же]. Неясным остается в конце поэмы и будущее героя: его уносит в русскую даль дорога, и в этой дали с ним возможны всякие метаморфозы. В начале последней главы поэмы автор намекает и на возможное перерождение «подлеца»: «может быть, в сей же самой повести почувются иные, еще доселе небранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями». [217, с.114]

Рассмотрим на базе выделенных из текста фрагментов, относящихся к образу Чичикова, какие характеристики персонажа

представлены в тексте поэмы и какие признаки концепта предприниматель они репрезентируют.

Прежде всего, отметим, что сам автор именуется своего героя «хозяином и приобретателем» и отмечает, что это образ новый для русской литературы.

Как уже отмечалось выше, в работах некоторых исследователей уже делались попытки анализа образа героя художественного произведения как презентации концепта «Предприниматель». В частности, работа Н. Наумовой посвящена именно анализу образа Чичикова. Однако в данной диссертации предметом анализа является не реализация концепта «Предприниматель», а, скорее, исследование языковых средств, которыми пользуется автор для создания образа и конструирование на базе анализа этих средств некой абстрактной модели поведения героя.

Более плодотворным представляется подход, предложенный М.М. Ивановой, которая придерживается традиций воронежской школы проф. Стернина. Она на базе контекстуального семантического анализа языковых средств, именующих предпринимателя, выделяет когнитивные признаки концепта «предприниматель», выявляемые в художественном тексте. Так, она представляет следующие когнитивные признаки, типичные для современных прозаических произведений (нумерация наша):

1. Мужчина 77⁸: «Не мое это дело – бизнес, - мрачно рассуждал успевший изрядно захмелеть Дмитрий Анатольевич Степанов, известнейший в Тарасовской губернии предприниматель» (М.Серова).

2. Богатый 52: «Построил его наш простой российский магнат, удививший широкую общественность тем, что как-то взял, да и уплатил родному государству налоги на сумму в миллион долларов» (С.Бестужева)

3. Действует с нарушением морально-правовых норм 32: «Несколько лет назад знакомый Капотилова представил ему бизнесмена Николая Ивановича

⁸ После наименования когнитивного признака указано количество текстовых объективаций данного признака

Мазурова. На всякий случай оперативник пробил его по картотеке и узнал, что «бизнесмен» имеет судимость, а в уголовном мире известен под кличкой Мазур» (Ю.Шубин).

4. Не вызывает симпатии 25: «Ведь я хоть и поступаю с твоей помощью на высокооплачиваемую работу, связанную с легальной продажей чужих нефтепродуктов за рубеж, но собираюсь и в дальнейшем бороться против новых плутократов, чтобы олигархи отдали народу все обратно...» (Е.Попов).

5. Деятельность связана с риском 15: «В ЦИТО раненые бойцы попадали редко... чаще – покалеченные или подстреленные «новые русские» (И.Гольман)

6. Владелец какой-либо собственности, дела, предприятия 15: «Катя решила, что он из театра, а он оказался владельцем галереи. ... Галерейщик назавтра же с ними расплатился, и они стали богачки, но не поняли, что с этим делать» (Н.Смирнова)

7. Женщина 13: «Она ведь такая доверчивая, ее сестрица, даром что начальник и бизнес-леди!» (Т.Устинова)

Исследователь приводит и *другие когнитивные признаки*: Обладает властью – 9; умный – 8; деятельность направлена на получение доходов – 7; занимается частной коммерческой деятельностью – 7; явление современной российской действительности 7; деятельность имеет успех - 6; занимается торговой деятельностью – 6; много и целеустремленно работает 6; опытный – 6; предприимчивый -6; обладает независимостью – 5; деятельность имеет национальные особенности 5; деятельность связана с решением проблем 5; занимает высокое общественное положение 5; бравирует своим достатком 4; дает рабочие места 4; расчетливый 4; является объектом незаконных действий 4 и т.д. Всего зафиксировано 74 разных когнитивных признака. [74]

В разделе «Полевая стратификация когнитивных признаков, объективированных в художественном тексте», М.М. Ивановой представлена полевая структура концепта «предприниматель» по данным современного художественного текста: Ядро – 2 когнитивных признака. Ближняя периферия – 5 когнитивных признаков. Дальняя периферия – 18 когнитивных признаков. Крайняя периферия – 66,2 %, 49 когнитивных признаков. Наиболее яркими являются такие когнитивные признаки (составляют ядро и ближнюю периферию): мужчина; богатый; действует с нарушением морально-правовых норм; не вызывает симпатии; деятельность связана с риском; владелец какой-либо собственности, дела, предприятия; обладает властью; умный. Таким образом, художественное сознание преимущественно концептуализирует принадлежность к определенному полу, материальное благополучие, осуждаемые способы достижения цели, рискованный характер деятельности, ум, обладание властью. [74]

Рассмотрим образ Чичикова с точки зрения представления в тексте «Мертвых душ» характеристик этого персонажа, которые презентуют его как делового человека. При этом важно иметь в виду ценностную составляющую. Фамилия «Чичиков» в русской культуре, как известно, стала именем нарицательным, обозначающим ловкого беспринципного дельца, авантюриста, готового на рискованные действия ради быстрого и нечестного получения наживы, прибыли. Весь текст поэмы подвергся сплошной фрагментации и выборке тех фрагментов, в которых вербализованы

Наиболее часто упоминаемыми характеристиками Чичикова являются **процессуальные**, презентующие:

1.- умение манипулировать людьми, которое включает в себя:

а) умение располагать людей к себе, общаться с людьми, причем на самые разные темы и в разных стилях речи. (Так, Чичиков сумел расположить к себе даже Собакевича)

б) Умение получать, собирать и анализировать информацию.

в) В то же время – умение не давать о себе лишней информации: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям почел за неперемный долг засвидетельствовать свое почтение первым его сановникам. – Вот всё, что узнали в городе об этом новом лице» [217, с. 8]

г) Способность сказать нет, отказаться (прямо или косвенно)

2. Активность, деятельность, трудоспособность. («Словом, ни одного часу не приходилось ему оставаться дома, и в гостиницу приезжал он с тем только, чтобы заснуть») [217, с. 10]

Умение планировать свои действия и ждать благоприятного момента для их совершения.

Умение торговаться и держать свою цену.

Способность совершать в уме сложные математические подсчеты.

Умение давать и получать взятки. (Н.В. Гоголь подчеркивает, что в России это составляет целую науку, не освоив которой нельзя добиться успеха «дела»).

Внутренний мир персонажа.

Рефлексивно-когнитивные характеристики: Грамотность, в том числе юридическая. Знание законов, которое позволяет «оборачивать их себе на пользу».

Хорошая память.

Равнодушие к произведениям культуры и любовь к хорошим практичным вещам.

Внутренняя речь Чичикова строится на разговорной основе, в моменты раздражения – на «крепких» словах и выражениях русского языка.

В то же время автор подчеркивает «русскость» Чичикова. Развитая русская речь при почти полном незнании иностранных языков, способность ценить и смаковать меткое и сочное русское слово или выражение.

Отношение к деньгам. Чичиков не богат, но умеет любую мелкую сумму пустить в оборот и получить прибыль. Умеет делать деньги из воздуха, «на фуфу». Всю жизнь свято соблюдал завет отца «беречь копейку». [217, с. 133]

Отношение к жизни: «зацепил – поволок, сорвалось – не спрашивай!»[217, с.134]

Статические характеристики:

Дворянин. Неженатый мужчина средних лет.

Нет вредных привычек.

Привычка героя вкусно и много поесть гипертрофируется в карнавальный, раблезианский тип подвигов за столом. В этом Чичиков может потягаться даже с Собакевичем. Так, после полного обеда Чичиков «слегка» закусывает: «"А блинков?" сказала хозяйка. В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это раза три, он попросил хозяйку приказать заложить его бричку... "У вас, матушка, блинцы очень вкусны", сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие...Автор должен признаться, что весьма завидует аппетиту и желудку такого рода людей».[217, с. 27]

Внешность – располагающая, но не бросающаяся в глаза, неприметная: «господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» [217, с.1] (Это то, что позже назовут внешностью тайного агента)

В портрете Чичикова подчеркиваются полные белые щеки и круглый крепкий подбородок, который так нравится самому Чичикову. Кроме того, автор заостряет внимание читателя на такой детали портрета, как нос, причем в таких контекстах, которые связаны с паремическими конструкциями “высунуть любопытный нос, нос оторвали, получить по носу”.

Вещный мир героя: 1. Одежда. Автор и герой (в своих мыслях и самооценке) уделяют значительное внимание одежде и внешности Чичикова. Ср. например, тщательный туалет и выбор одежды перед каждым выходом в свет или в присутственные места. (По одежке встречают, по уму провожают). Знаменитый брусничный фрак с искрой и пальто «на больших медведях» напоминают теперь не только о модах XIX в., но и о знаменитых малиновых пиджаках и мехах «новых» русских в 1990-х.

В 11 главе из рассказа об истории жизни Чичикова читатель узнает, что он не раз получал дивиденды на том, что был аккуратно одет и выглядел опрятно. С другой стороны, испачканный в грязи костюм в начале эпизода с Коробочкой – символ будущих неудач и провала «предприятия» Чичикова.

Импортное мыло для придания гладкости и белизны щекам и лицу.

Ларчик: алтарь для ценных и полезных бумаг и денег (в секретном ящике).

Коляска и лошади – как у опытного путешественника, все добротное, но неброско. В коляске возит саблю “для внушения к себе уважения”.

Отношение к слугам и крепостным. Равнодушное и грубое по отношению к чужим людям и внимательное, даже к купленным мертвым душам – к своим.

Русскость. Любит рассуждать о России и о ее нуждах и бедах. Ценит меткое русское слово, хорошо знает разные стороны русской жизни

Отношение к женщинам: прагматичное, может помечтать о красивой незнакомке, но тут же мечты переключаются на сумму приданого, связи и т.п. О чем говорить с барышнями не знает, т.к. сразу переходит к практическим темам. Одинок, но мечтает иметь семью и детей, передать свое имя потомству.

Выводы: В отличие от других помещиков, каждый из которых также является хозяином и «предпринимателем» в своем имении, Чичиков – хозяин и приобретатель, т.е. он представляет собой тот тип делового человека, который реализует такой важный для образа предпринимателя признак концепта, как умение строить широкие планы и упорно добиваться их, манипулируя людьми. При общей негативной оценке Чичикова как человека, служащего деньгам, а не Богу, но наделенного способностями и большой энергией и упорством, автор оставляет герою шанс исправиться, «воскреснуть». Об этом говорит и имя Павел, совпадающего с именем апостола, который раскаялся в грехах, уверовал и стал одним из самых энергичных распространителей веры и знания. [97]

1.5. Роман И.А. Гончарова «Обломов»: движение против инерции.

Роман И.А.Гончарова «Обломов», как правило, рассматривается в ряду других произведений, появившихся во 2-ой половине XIX века: романов И.С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», Ф.И. Достоевского «Униженные и оскорбленные», М.Е. Салтыкова-Щедрина «Губернские очерки», А.Ф. Писемского «Тысяча душ». И он же называется в числе первых произведений, столкнувших в одном историческом хронотопе носителей двух

противоположных жизненных принципов. Новый этап в развитии русской литературы, связанный с творчеством этих писателей, отмечен поисками художественных средств создания психологически сложных и противоречивых образов. «Для романов конца 50-х годов органично внимание к многогранному миру души человеческой, ее противоречивым и драматическим порывам. Объяснение жизни, ее всеохватывающий анализ приходит в них на смену сатирическому обличению», - отмечается в комментариях к роману [102, с.518] К этому времени сформировался тип эпоса, в котором получила многостороннее раскрытие связь характера и среды, социального, сословного и семейного укладов. Принцип социального детерминизма, который реализовался в стремлении к максимальному жизнеподобию прозы, стал общим и привычным достоянием словесного искусства. Роман Гончарова – образец социально-психологического повествования, в котором нашлось воплощение все художественные открытия, сделанные литературой, ориентированной на реалистическое изображение жизни. Его поэтическое своеобразие и проблемно-тематическое содержание изучены русским литературоведением достаточно полно. [96, 99, 102, 117, 138, 158, 165, 212]

В центре внимания исследователей не только образ главного героя Ильи Ильича Обломова, но и характер художественного конфликта в целом, который не исчерпывается только противопоставлением жизненных моделей Обломова и Штольца. Безусловно, в своих оценках исследователи ориентируются на мнения современных Гончарову критиков, развивая их идеи, касающиеся прежде всего Обломова как социального типа, «обломовщины» как национального явления и Штольца как некоей исторической силы, способной изменить не только отживший обломовский уклад, но и шкалу нравственных ценностей. Мнения Н. Добролюбова, А. Дружинина, Д. Писарева о самом романе и его героях до сих пор не утратили своего значения, поскольку в них раскрыты эстетические, социально-нравственные и философские ракурсы общей философско-эстетической проблемы «литература и жизнь».

Нам представляется важным, что Н. Добролюбов не только клеймит «обломовщину» как национальную болезнь, но и отмечает потребность общества в настоящем деле, которая требует от писателей создания идеала нового типа – общественного деятеля, борца, человека «с цельным, деятельным характером, при котором всякая мысль тотчас же является стремлением и переходит в дело». [54] Это одна из первых интерпретаций понятия «Дело», в которое вкладывается социально-преобразовательный смысл, в особенности в сравнении с традицией изображения «лишних людей».

Таким образом, уже современные Гончарову критики почувствовали и в некоторой степени осветили особенность художественной системы его романа – противоречивое единство, дихотомия, оппозиция Слова и Дела, энергии и апатии, идеи и действия, движения и инерции. Наша задача состоит в том, чтобы проанализировать текст романа, в т.ч. учитывая и эти оппозиции, и попытаться выяснить, как репрезентируется концепт «Предприниматель» в образе Андрея Штольца

Как известно, роман начинается с подробнейшего описания человека, лежащего на диване в восточном халате: ...лет 32-х, приятной наружности, ... но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица», на котором наблюдалось «...выражение усталости и скуки» и не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки. И поверхностно наблюдательный, холодный человек...сказал бы: «Добряк должен быть, простота!» Человек поглубже и посимпатичнее, долго вглядываясь в лицо его, отошел бы в приятном раздумье, с улыбкой.» [218, с.7-8]

В этом же описании впервые встречается слово «лежание» – отглагольное существительное, означающее состояние, противоположное действию. Это, говорится в тексте, – «ни необходимость, ни случайность, а нормальное состояние». [218, с.9] Понятие «лежание» - ключевое не только в характеристике героя, но и во всей системе оппозиций. Сочетание полного

бездействия с имитацией деятельности (умственной) выражается в слове «план», которое связано с категорией будущего и образует устойчивый лейтмотив, проходящий через все этапы жизни Обломова. Это план перемен и улучшений в порядке управления имением, который Илья Ильич начал обдумывать несколько лет назад. К нему он постоянно мысленно возвращается, на него ссылается в спорах с Захаром, в разговорах с гостями и со Штольцем, в период своего бурного романа с Ольгой Ильинской. На основе этого плана в его воображении формируется картина идеальной жизни, противопоставленной существованию «всех прочих несчастных». Невыполнимость плана, его утопичность становятся очевидными при первом же знакомстве с героем. А в последующих главах мы видим, как необходимость выполнения плана преобразований, вызванная близкой женитьбой, превращается для Обломова в сущий кошмар и, в конце концов, разъедает изнутри саму любовь, поскольку требует от него усилий, решений, действий, на которые он по природе своей не способен.

Нужно отметить, что авторская интонация выражает спокойное отслеживание, наблюдение с долей сочувствия (как к ребенку), без признаков иронии, тем более насмешки. Оценка здесь доверена некоему гипотетическому «человеку поглубже и посимпатичнее», который в отличие от поверхностного наблюдателя, отметит в Обломове черты, заставляющие «отойти в приятном раздумье». Однако к моменту появления в доме Обломова гостей, в общении с которыми Илья Ильич не раз высказывается о смысле жизни, автор сумел заложить в восприятие читателя целый ряд синонимических понятий, становящихся психологической доминантой и выполняющих некую прогностическую функцию. Благодаря тому, что слова «усталость», «скука», «мягкость», «лень», «апатия», «тревога», «дремота» встречаются в одном контексте с понятиями «идея», «намерение», «суета» и «жизнь», читатель может предугадать исход основных жизненных коллизий Обломова: не делать,

не менять, не решать, не двигаться, впасть в лежание. Именно в этом семантическом поле реализуется конфликт романа Гончарова

В некоторых современных трактовках романа в целом и образов Обломова и Штольца чувствуется стремление отойти от устоявшихся «прямолинейных» добролюбивских толкований. Например, в концептах «скука» и «лень» вычитывается универсальный философский и культурный смысл, истоки которого во вневременном, внеисторическом, мифологическом типе обломовского сознания. [96] Таким образом, с этих позиций Обломовка - это одновременно и сонное царство "социально пассивных" людей, "развращенных барством", и символическое описание фольклорно-мифологического "золотого века". Здесь нет столкновения интересов, а, следовательно, социальных и психологических конфликтов. Конец идиллического внеисторического мировоззрения и способа существования могут быть связаны только с воцарением иного стиля жизни, основанного на частном интересе, вере в прогресс и достижения цивилизации. Культурный смысл обломовской лени в том, что Обломов - не тип лентяя, байбака, лежебоки, но человек, олицетворяющий собою *абсолютный отказ* от поступка, деяния как такового. Добровольное отстранение себя от забот повседневности может означать не только слабость и нерешительность, но и "невмешательство" в окружающий мир, если под этим словом понимать не конкретную социальную действительность, но универсальную реальность человеческого бытия». [96] Далее следует умозаключение, которое нам представляется весьма конструктивным. «С подобного рода сознательным отказом от активности традиционно связано *благочестие, мудрость* и иные особенности праведного человека. Главный ключ к правильному пониманию образа Обломова - не столько те или иные конкретные особенности характера Ильи Ильича, сколько его функции в композиции романа. Сталкиваются и вступают в диалог два отношения к жизни». [96] Таким образом, намечается определенное типологическое родство образа Обломова с образами

праведников Н.С.Лескова, из уст которых прозвучали первые нравственные оценки людей действия.

С точки зрения исследуемой нами темы такое пристальное внимание к образу Обломова может показаться излишним. Однако именно в нем заложен целый комплекс идей, на основе которых сложился «оценочный лист» делового человека. Он может быть добрым, честным, порядочным, надежным другом и прекрасным семьянином, только при чем тут его дело? И правда, нет ничего, что его сделало бы лучше, нравственнее, совершеннее. Оно лишь вынуждает человека к ненужной суете и беспорядочному движению. Не случайно Штольц, в отличие от Обломова, нигде не говорит о своих планах, хотя как человек дела он мог бы раскрываться в планировании своей жизни и деятельности.

По отношению к жизни, действию и делу образ Андрея Штольца был действительно создан как полный антипод Обломова. Сам писатель отмечал схематизм и неодушевленность образной характеристики, слабость, бледность, в общем то, что «из него слишком голо выглядывает идея». Он оправдывался тем, что хотел показать две крайности натур: «гибельного избытка сердца и холодного разума», каждая из которых уязвима сама по себе и тщетно стремится к гармонии. Однако же последнее слово писатель оставляет за Штольцем, человеком дела и холодного рассудка, доверяя ему оставшегося после Обломова сына Андрея, что весьма символично.

Образу Штольца в исследовательской литературе о творчестве Гончарова уделяется достаточно серьезное внимание в силу указанных выше причин и, прежде всего, потому, что с этим типом нового человека связывалась проблема пути, по которому могло пойти общественно-экономическое развитие России. В этом контексте тема предпринимательства обретает особую актуальность. Большое внимание исследователи уделяют тому не случайному факту, что Андрей Штольц по отцу немец. В авторском выборе национальной принадлежности героя – полного антипода исконному русскому помещику -

заложена глубочайшая историческая, социальная и психологическая семантика. Полнее всего она раскрывается в яростных нападках на Штольца одного из гостей Обломова - Тарантьева, который «питал инстинктивное отвращение к иностранцам, не делая различий между англичанами, французами, немцами». [218, с.53] По его мнению, все они – «мошенники, обманщики, хитрецы, разбойники».[218, с.53] Именно его устами дается первая характеристика Штольца: «Немец проклятый, шельма продувная!» О том, как начиналось «дело» отца Штольца, читатель тоже узнает из уст Тарантьева: «Приехал в нашу губернию в одном сюртуке да в башмаках, в сентябре, а тут вдруг сыну наследство оставил – что это значит? А сын: «Хорош мальчик! Вдруг из отцовских сорока сделал тысяч триста капитала, и в службе за надворного перевалился, и ученый...теперь вон еще путешествует! Пострел везде поспел!» [218, с.54]

Если учесть, что эти разоблачительные речи произносит отпетый мошенник, пройдоха и бессовестный вымогатель, можно заподозрить, что Гончаров очень близок к сатирической гоголевской традиции. Но дальнейшие вполне искренние рассуждения Тарантьева поднимаются до уровня философского обобщения, в которых нет ни капли гротескного преувеличения: «Разве настоящий-то хороший русский человек станет все это делать? Русский человек выберет что-нибудь одно. Да и то еще не спеша, потихоньку да полегоньку, кое-как, а то на-ко, поди! Добро бы в откупа вступил – ну, понятно, отчего разбогател; а то ничего, так, на фу-фу! Нечисто! Я бы под суд эдаких!» [218, с.54] В этой реакции представителя мелкопоместной, даже межсословной массы слышится голос оскорбленного национального русского достоинства, в котором ксенофобия уживается с неприязнью к усилиям, направленным на честное приобретение, и с готовностью самому словчить и присвоить, что плохо лежит. Эта обывательски сниженная житейская философия находит несколько облагороженное выражение и в воспоминаниях о старой Обломовке, о родителях Ильи Ильича. Старый Обломов, читаем мы в тексте, «не любил

выдумок и натяжек к приобретению денег» [218, с.66], которые повествователь именует «лукавыми ухищрениями». Обломов-старший был глубоко, религиозно убежден, что нужно «благодарить Бога за то, что есть и считать грехом старания приобретать больше». [Там же]

Илья Ильич уже считает, что «приобретение не только не грех, но долг всякого гражданина честными трудами поддерживать общее благосостояние», хотя сам от природы (и по воле автора) не наделен ни единым свойством, необходимым для приобретательства. Он одобрительно относится к предпринимательской деятельности Штольца, хотя и не вникает в подробности и вряд ли представляет себе, чем тот конкретно занимается. Дороги жизни Штольца далеки от Обломова, не привлекают, а скорей отталкивают его. В этом контексте представляются важными образы колеи, пути, реализующие концепт «Дорога», которые возникают, развиваются и играют большую роль в кульминационные моменты повествования. Образы колеи и широкой дороги напрямую связаны с категорией исторического пути, прошлого и будущего. В то же время Штолец и сам занимается тем, что строит дороги в России. Да, рассуждает автор «Обломова», таких, как Штолец, в России еще мало. А Добролюбов высказывается более категорично: «Штольцев, людей с цельным, деятельным характером, при котором всякая мысль тотчас же является стремлением и переходит в дело, еще нет в жизни нашего общества» [54], но общество уже готово к появлению людей такого типа: «Чтоб сложиться такому характеру, может быть, нужны были и такие смешанные элементы, из каких сложился Штолец...Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!» [54]

Важно отметить, как строится образ Штольца, чтобы он стал привлекательным для русского общественного сознания, в котором генетически закреплено отвращение к «делу», не меньшее, чем неприязнь к «немцам». Во-первых, физический облик: уже с детства он беспрестанно в движении, состоит из костей, мускулов и нервов, как кровная английская

лошадь. [218, с. 164] Во-вторых, он здоров и надежен в нравственном отношении: «Как в организме нет у него ничего лишнего, так и в нравственных отправлениях своей жизни он искал равновесия практических сторон с тонкими потребностями духа. Он шел твердо, бодро; жил по бюджету, стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца». [218, с. 165] Отметим, что Гончаров наделяет своего героя сочетанием интеллекта и прагматизма, которое современные бизнес-психологи называют редчайшим качеством предпринимателя, близким к гениальности. «Простой, то есть прямой, настоящий взгляд на жизнь – вот что было его постоянной задачей, и, добираясь постепенно до ее решения, он понимал всю трудность ее и был внутренне горд и счастлив всякий раз, когда ему случалось заметить кривизну на своем пути и сделать прямой шаг». [218, с.165]

Штольц имеет набор качеств, присущих истинному предпринимателю, который трезво оценивает жизнь и свои возможности, «делает себя сам»: «То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было в глазах его оптический обман... У него не было идолов... он был целомудренно-горд, ... от него веяло какою-то свежестью и силой... его звали эгоистом, бесчувственным.. Выше всего он ставил настойчивость в достижении целей: это было признаком характера в его глазах». [218, с.167] Его путь в предпринимательство привел к успеху еще и потому, что отцовское (немецкое) практическое воспитание сочеталось в нем с унаследованной от матери (русской) утонченностью души.

Надо отдать должное Гончарову: он не просто подметил в жизни такой тип, но и придал художественное единство целому набору личностных качеств, который во многом совпадает с ядром концепта «Предприниматель». Более того, он едва ли не первым сделал попытку соединить в одном лице материальные устремления с духовным голодом, заставляющим героя добиваться успеха в делах и непрестанно облагораживать свою жизнь

духовными поисками. Одно только остается тайной для автора и читателя - это технология успеха и цена, которую Штольцу пришлось заплатить на этом пути. Автор подал его читателю готовым, положительным, более предпочтительным для общественного блага по сравнению с пассивным, бездеятельным, исторически обреченным Обломовым, но в то же время схематичным.

Автор находит для Штольца ряд возможностей проявить себя по отношению к своему антиподу – Обломову. Они никогда не были соперниками или конкурентами, поскольку никогда не проживали общих «предпринимательских» ситуаций. Напротив, из любви к Обломову, к его «голубиному сердцу», детской искренности, доброте и чистоте Штолец всегда выступал в качестве защитника, наставника, советника. В трудные для Обломова периоды жизни Штолец спасал его деньги, имение, имущество и, решая за него жизненно важные проблемы, давал Илье Ильичу возможность в очередной раз вернуться к «лежанию» как образу жизни. Для Обломова оппозиция «лежание против движения» всегда разрешалась в пользу «лежания», тогда как для Штольца «лежание» исключается из жизни, а движение означает саму жизнь.

На самом высоком уровне обобщения в романе Гончарова можно усмотреть присутствие двух принципов поведения, двух нравственно-философских взглядов. Обломов олицетворяет абсолютное недействие, неучастие в жизни, воздержание от поступка в пользу размышления, Штолец - столь же абсолютное действие, безграничное погружение в практическую жизнь. В романе испытываются на прочность *оба* универсальных принципа отношения к жизни: абсолютное недействие по Обломову и штольцевское поклонение активному поступку. Противостояние двух жизненных укладов не заканчивается победой одного и поражением другого. Вечное и повседневное, абсолютное и практическое идут рука об руку, и только причастность к обоим началам, по Гончарову, может приблизить человека к полноте его земного существования.

С этих позиций роман «Обломов» никакого отношения к собственно предпринимательству и предпринимателям не имеет, поскольку в нем нет главного – изображения предпринимательства как сферы жизнедеятельности и среды обитания, где герой-предприниматель функционирует как субъект финансово-экономической деятельности и где все свойства его характера рассматриваются с точки зрения его отношения к концептам «Дело», «Деньги», «Власть» и Их наличие или отсутствие играет роль первичного механизма мотивации поступков персонажей, оценочной стороны текста. Внутри этой модели все прочие персонажи выполняют строго определенные функции, проявляющиеся по отношению к Делу, и именно этим они и интересны. Все отношения между героями выстраиваются согласно реальной иерархии субъектов Дела: семья, родственники, сотрудники, возлюбленные, друзья, партнеры, конкуренты, клиенты, ближнее и дальнее окружение. А также, что не менее важно – все, на чем держится материальная база Дела: деньги, имущество, собственность, недвижимость, наследство, родство, связи, престиж. Этого в тексте романа Гончарова нет. Штольц не показан и не раскрывается ни внутри этой системы отношений, ни как носитель идеологии предпринимательства, ни по отношению к деятельности на благо общества, ни как глава или владелец предприятия. В Штольце мы можем увидеть некий, еще достаточно смутно угадываемый идеал деятельного человека, который далеко ушел от модели «обломовщины». К какой модели он пришел, - остается за рамками текста. Нам представляется важным оговориться: назвать Штольца предпринимателем в том смысле, какой вкладывают в образы бизнесменов авторы романов о предпринимательстве, можно лишь условно. Но зато Гончарова можно считать автором, попытавшимся из носящихся в воздухе идей о свободе выбора индивидуального пути создать образ человека, который сделал себя сам, и неважно, в каком роде деятельности он добился успеха. Однако, не следует забывать, что «вся положительная предприимчивость члена торговой компании, «практического

деятеля» Штольца затмевается милой русскому сердцу бездеятельностью и ленью главного героя — Обломова», - так можно сформулировать исконную причину нелюбви русского человека к предпринимательству. [211]

Можно отчасти согласиться с мнением этого автора о том, что русские писатели только клеймили предпринимателей, в результате чего в современную литературу бизнесмен внедрился как антигерой. Однако следует учесть и то, что не так уж много было в классической русской литературе писателей, которые своей целью ставили дать объемный, полнокровный, психологически достоверный портрет именно бизнесмена, делового человека, предпринимателя. Гончаровский герой, который упомянут в числе немногих положительных, задал - при всей декларативности и схематичности образа - высокую нравственную и профессиональную планку как образец для подражания молодому поколению. В «массовой» литературе рубежа веков попытки создать позитивный облик русского предпринимателя предпринимал Боборыкин, однако эти образы не находились в центре его интересов, да и его влияние на литературу последующих эпох никак нельзя считать значительным. Чтобы составить себе более полную картину того, как формировалась поэтика романа о предпринимательстве, нужно обратиться к произведениям, где Дело и его субъекты стали главным и единственным предметом художественного изображения. Это роман Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

1.6. Д.Н. Мамин-Сибиряк. «Приваловские миллионы»: предприниматель и его Дело.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк занимает особую нишу в русской литературе конца XIX в. Его творчеству и личности уделялось достаточно серьезное внимание в критике того времени, советское же литературоведение имело особые причины для того, чтобы имя знаменитого уральского писателя не забывалось.. В наши дни его память также чтит научная общественность, в

особенности на Урале и в Сибири, с которыми связана вся его писательская судьба. «Д.Н. Мамин-Сибиряк (1852-1912 гг.) - выдающийся писатель-реалист, видный писатель-"уралец", глубокий знаток "областной" жизни, предвосхитивший современную российскую беллетристику, посвященную "малой родине", – такая информация предваряет подборку материалов по творчеству этого писателя на специальном сайте в связи с его 150-летним юбилеем. [214]

Общей позицией многих исследователей является признание определяющей роли географической точки – Урала, Зауралья, Сибири и исторического периода – 80-90-х гг. XIX в. для формирования доминирующей темы всего творчества писателя. Это исторически переломное время, «эпоха шествия капитала, эксплуатируемых масс, крупной буржуазии, разночинной интеллигенции», в которой писатель почерпнул «целый комплекс тем, связанных с формирующимися новыми – капиталистическими отношениями, эксплуатацией, эгоизмом, алчностью и жестокостью новых хозяев жизни, нарастающим размахом народного недовольства, смуты и первых попыток объединиться для защиты своих прав». [175] Советские исследователи обращали внимание на наличие в романе «Приваловские миллионы» признаков натурализма, объективности, социологичности, публицистичности, на «контраст между фабульной динамикой и мертвенной неподвижностью характера целого. [78, с.467] Актуальность проблематики, демократические позиции, с которых давалась оценка жизни и деятельности уральских промышленников, сочувствие к народу и художественное мастерство, по мнению исследователей, вывели Д.Н. Мамин-Сибиряка на уровень большой литературы. Часто подчеркивается, что в его романах «главными героями выводились не привычные в литературе помещики, владельцы родовых дворянских поместий, а крупные уральские заводладельцы, управлявшие судьбами десятков тысяч мастеровых на заводах, рудниках, приисках. Раскрывается еще малоизвестный мир буржуазных хищников, где нажива

являлась движущей пружиной всех поступков. Буржуазные отношения составляли основу романов». [190, с. 14]

Важно отметить и то, что сам жизненный материал потребовал от писателя поиска адекватной жанровой формы, и ею стала форма реалистического социального романа. Чтобы показать, как Мамин-Сибиряк решал практическую творческую задачу – дать исторически и психологически точный и объемный портрет предпринимательства и самих предпринимателей, исследователи обращаются к анализу его романов, созданных в 1880-90-е гг. У одних литературоведов и критиков это краткое – в несколько строк – описание романов «Горное гнездо», «Приваловские миллионы», «Три конца», «Золото», «Без названия», «Хлеб» и других, связанных одной «демидовской» темой. У других – более глубокий анализ проблематики, образной системы и характера конфликта этих романов. В некоторых работах [189] обобщается опыт исследования творчества писателя, и отмечается образ Сибири как географического, природного, социально-экономического пространства, отличающегося особым нравственным укладом жизни. Все его малые и большие произведения составляют единый роман о целом крае, о потоке жизни, в котором «говорят» Восток и Запад. Важными мотивами являются мотивы «пути», «перекрестка», «устоев».

Вне поля научных интересов остался вопрос о преемственности в творчестве Мамин-Сибиряка социально-нравственной проблематики, характерной для литературы предшествующих десятилетий XIX в. Именно эта проблематика позволяет рассматривать в одном ряду столь далеких по стилю жизни и сословной принадлежности авторов, как И.А.Гончаров и Д.Н. Мамин-Сибиряк. Помещик Гончаров предугадал и смоделировал тип героя новой эпохи, Мамин-Сибиряк отразил во всех типологических чертах среду, в которой этот герой мог формироваться, функционировать и, в свою очередь, формировать среду по своему образу и подобию. Читателю открылся тот слой российского общества, который во времена Гончарова только начал заявлять о

себе. Класс предпринимателей стал мощным фактором, определившим путь России как страны капиталистической, промышленной и развивающейся. Не случайно считают, что «демидовская тема» как главная тема его творчества пришла к нему из родных мест. [50] Внимание привлекает сходство его героев-заводчиков и реальных представителей знаменитого рода Демидовых, сочетавших в себе черты крепостников-помещиков и промышленников европейского типа. В рамках исследуемой темы важно отметить то внимание, которое авторы уделяют типам героев Мамина-Сибиряка и нравственным критериям, по которым их судит сам писатель. Русская литература к этому времени далеко ушла от простого деления персонажей на плохих и хороших, добрых и злых. Новый жизненный материал предоставил богатейшие возможности для изучения жизненных типов, рожденных в иных исторических условиях, географических пространствах, темпах и ритмах. В этих условиях формировались новые критерии «положительности» и отрицательности», в которых на традиционную этическую христианскую матрицу накладывались черты предпринимательского профессионализма. В идеале должно было получиться: «добродетель + успех = хороший герой», т.е. бизнесмен как положительный герой. Либо: «порок + успех = плохой герой», т.е. бизнесмен как отрицательный герой. Ни в жизни, ни в реалистическом романе такой прямолинейности не бывает. Достоинством творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка, которое отмечают многие критики, является многообразие жизненных типов, поразительное сочетание в них противоположных качеств, и каждое из них в определенной ситуации может развернуть героя либо в позитивную, либо в негативную сторону.

Помимо «Приваловских миллионов» внимание ученых [139, 155] привлекают романы «Без названия» (1894) и «Хлеб» (1895). В первом главный герой – Окоемов, бизнесмен, пытается создать образцовое капиталистическое производство, на практике воплощая мечту о совершенном социальном будущем, в котором разумный труд сочетается с подъемом общественной

совести. Естественно, сразу возникает желание сравнить это произведение с романом Чернышевского «Что делать?» и системой академика Мианина, направленной на возрождение общества путем нравственного воспитания бизнесменов. Окоёмов решает доказать миру, что и русский интеллигент ("лишний" человек) способен в деятельности реализовать свой высокий нравственный потенциал. Окоёмов - предприниматель, необычайно активный человек, который называет себя «поклонником силы, личной энергии». Он чувствует себя человеком, призванным открывать новые пути промышленности. В творчестве Мамина-Сибиряка отмечается попытка сформулировать социально-нравственную составляющую «положительности» предпринимателя, в которую входит озабоченность проблемами общественного блага, и тем самым привести эгоистическую природу бизнеса как такового в соответствие с общечеловеческими нравственными идеалами.

Одновременно с поиском способов изображения предпринимательства в позитивной перспективе продолжается тема сугубо нравственная – осознание несправедности, безнравственности жизни в мире наживы и хищнических инстинктов. Исследователи указывают, что в романе «Хлеб», в котором особенно остро и драматично раскрывается тема денег, появляется герой (Галактион Колобов), который все больше ощущает эту несправедность. Этот чрезвычайно важный мотив прозвучал еще в романе «Приваловские миллионы», и в нем же наметились поиски героя, пытающегося освободиться от наследственной модели жизни. [175]

Роман «Приваловские миллионы» как разновидность социально-психологического романа, как правило, привлекает пристальное внимание исследователей. Во многих публикациях он именуется наиболее значительным романом, «в котором талантливо изображена жизнь Урала и Сибири в пореформенные годы, капитализация России и связанная с этим процессом ломка общественного сознания, норм права и морали... "Приваловские миллионы" приобретают поразительно современное звучание в

России конца XX-го – начала XXI веков». [205] Это произведение, как правило, оценивается в контексте всего творчества писателя и, прежде всего, по отношению к главной – «демидовской» – теме. Подробный литературоведческий анализ романа дан в работе Г.Н. Пospelова «Быт и нравы Каменного пояса». ("Приваловские миллионы" Д. Н. Мамина-Сибиряка). [155] Автор отмечает, что Мамин-Сибиряк ярко изобразил особенную и малоизвестную область русской общественной жизни – жизнь далекого Урала, о существовании которой, может быть, не имели ясных представлений ни Л. Толстой, ни Салтыков-Щедрин, ни Чехов, ни М. Горький. Этот горно-заводской мир был невероятным сочетанием промышленного европеизма и крепостнической азиатчины, причем последней в нем было гораздо больше. По мнению Пospelова, это наиболее значительное произведение по сложности изображенных характеров. В нем показана пореформенная пора развития уральской промышленности, когда в семьях владельцев заводов и золотых приисков появилась своя интеллигенция, которая стала приобщаться к передовым идеям своего времени.

К героям такого типа относится и Сергей Привалов, уральский заводовладелец нового поколения. Он получил хорошее образование, долго жил в Петербурге. «Все это делало его человеком довольно образованным, а главное - серьезным, способным к умственным и нравственным интересам и лишенным самодурства» [155, 164] В его характере сочетаются нерешительность, мягкотелость и прекраснотелость, склонность к идеализму и утопическому мечтательству. Его мучает ощущение вины и чувство долга перед бесправным заводским людом. Это делает его похожим на «кающихся» помещиков, изображенных Л.Н. Толстым (Левин), и Г.Н. Пospelов по аналогии называет его «кающимся промышленником». Идеиные запросы и раздумья над смыслом и нравственной стороной унаследованного от деда владения заводами только ослабляют его и лишают решимости изменить неблагоприятную для него ситуацию с опекой. Честность не позволяет идти

на сделки и подкупы, а мягкость и инертность не дают силы и энергии сопротивляться и противостоять интригам вокруг его наследства. Ему особенно близка идея "здорового, трудового счастья", рационально устроенного труда, приносящего пользу людям. В этом он близок «новым людям» Н.Г. Чернышевского и подобно этим героям пытается на практике реализовать свои утопические идеалы. «Мамин-Сибиряк, на свой лад, продолжает традицию "мастерских" Веры Розальской из романа Н. Г. Чернышевского "Что делать?" и кузнечной "артели" Дмитрия Кряжева из романа П. В. Засодимского-Вологодина "Хроника села Смурин"». [155]

Сергей Привалов находит в своем окружении людей, способных понять его сомнения и метания. Именно на их опыт он опирается в своих попытках выстроить трудовые отношения с людьми из низших сословий на принципах справедливости. К ним так же гуманно относятся и Надя, дочь богатого золотопромышленника Бахарева, ее муж Лоскутов, покинувший когда-то среду преуспевающих дельцов, ее брат Костя, управляющий Шатровскими заводами, Мы имеем дело с типом героя, который вошел в противоречие со своей средой и в нем самом «предприниматель» не вполне уживается с «человеком». Это находит выражение в пассивном рефлексировании, саморазоблачительных излияниях и в попытках выбора собственного пути, не похожего на традиционные в его семейно-деловом и социальном окружении. Приведенная характеристика Привалова учитывает как «природу», т.е. личные качества героя, включая наследственные, так и социальное окружение, которое его формировало. Однако в романе значительное место уделено воспроизведению многих специфических черт провинциальных промышленных нравов

Реальный феномен, нашедший в романе художественное отражение, – это промышленно-заводское семейное дело, связанное одной своей ветвью с сибирскими золотыми приисками и золотопромышленностью, а другой – с уральскими заводами. Начало повествования относится ко времени, когда зрелого возраста достигло третье (внуки) поколение владельцев приисков и

заводов, и вся их история детерминирована прошлым. Это вводит читателя в атмосферу, знакомую по опыту дворянской «помещичьей» классической литературы, созданной писателями - владельцами родовых усадеб, «дворянских гнезд». Их хозяйство и способы управления им, однако, практически никогда не становились предметом пристального интереса, а вот в романе о предпринимательстве – это одна из главных линий всего повествования. Таким образом, новый эпос меняет сам предмет изображения. Объектом художественного произведения становится хозяйственно-управленческая деятельность, осуществляемая в разнообразных конкретных формах. Она может втягивать в себя финансово-экономические, коммерческие, производственные, юридические, формальные и неформальные деловые аспекты предпринимательской деятельности. Это требует от писателя знания реалий, языка, специфической фразеологии, различных коммуникативных стилей – от нормативно-бюрократического до улично-торгового и семейно-бытового. В романах о предпринимателях русская литература заговорила новым языком.

В романе дается подробная историческая справка о происхождении «приваловских миллионов». Дедом Сергея Привалова был богатый золотопромышленник Павел Михайлович Гуляев, из архангельских поморов, предки которых бежали из разоренных раскольничьих скитов и после долгих скитаний нашли прибежище на Шатровских заводах. «Приваловы, как и другие заводчики открыто держали всяких беглых и беспаспортных бродяг, разношерстный гулящий люд как главную рабочую силу». [222, с. 148] Они покровительствовали раскольникам, придерживались старины. Сам Павел Гуляев прошел путь от рабочего до крупного золотопромышленника, за ним тянулась блестящая слава удачливого миллионера. Он выстроил дом... «во вкусе того доброго старого времени, когда произвол, насилия и все темные силы крепостничества уживались рядом с самыми светлыми проявлениями

человеческой души и мысли. Сам он и его семья старались жить ... по типу древнего благочестия...»[222, с. 149]

Указанная деятельность интересует автора не только сама по себе как некая экзотическая сфера, не похожая на привычные и традиционные области деловой активности. В романном повествовании она изображается как форма жизни человеческого сообщества, которая объединяет огромное количество людей, подчиненных содержанию Дела. Ядром и центром такого сообщества является некий индивидуум, к которому стянуты все управляющие нити. Стихийно возникший сложнейший комплекс производственных, экономических, социально-психологических, семейных и межличностных отношений на определенном этапе превращается в семейное Дело, развитие и судьба которого и составляют основу всей структуры романа. В понятие «Дело» вкладывается не только его финансово-экономическая денежная составляющая, собственность, обладание имуществом, но и вся система мотивации, направленная на производство, реализацию продукта, прибыль, выгоду, успех в конкурентной борьбе, личное соперничество, психологические и профессиональные качества, необходимые для поддержания престижа.

Всеми этими признаками обладали основатели Шатровских заводов и первых приисков, открытых в Западной Сибири. Нравственными основами, на которых складывалась система ценностей внутри этого сложного сообщества, были старина, тип «древнего» (раскольничьего) благочестия, заветы отцов (столпов), которые «новшеств никаких не признавали, а прожили век не хуже других». Это был важнейший параметр «положительности» русского предпринимателя, при котором деятельность и способы обогащения соизмерялись с традиционными религиозно-нравственными нормами. Художественный конфликт возникал как отражение реального противоречия между природной беспощадной конкурентностью предпринимательства и личными нравственными принципами его отдельных представителей. В «приваловском» случае приобретательство оправдывается изначально, лишь бы

оно не нарушало «заветы столпов». Учитывая привычность беззакония, грубого насилия, права хозяина и прочих характерных черт самой предпринимательской среды, можно представить, в каком сложном положении был писатель, пытавшийся найти в этих условиях индивида, в судьбе которого стремление сохранить верность нравственным принципам не пришло бы в противоречие с разбойной практикой «большого дела».

На примере образа Сергея Привалова мы видим, как развивается противоречивый образ предпринимателя-заводчика конца XIX в. Первое противоречие наметилось еще в детстве, когда будущий наследник остатков миллионов, нажитых дедом Гуляевым и пущенных на ветер отцом – Александром Приваловым, вынужден жить в чужом доме. «Беспримерное, чудовищное богатство Привалова создало жизнь баснословную в летописях Урала: десятки тысяч за всякое новое удовольствие, царская роскошь, разливное море, пьяные оргии, дикий разгул, гарем крепостных красавиц, бешеные тройки». [222, с. 43] Александр, человек по природе незлой, но слабый, «задурил», начал испытывать потребность получать удовольствие от человеческих страданий, крови, «безобразия». В результате – ранняя старость, вырождение, гибель. Эта ситуация, знакомая русской литературе еще по крепостническому быту, заново открывается уже на новом жизненном материале времен раннего капитализма.

История «приваловских миллионов» воспроизводит уже сложившийся архетипический сюжет: отцов – основателей сменяют сыновья-прожигатели, доводящие Дело до разорения. Идущие им на смену внуки, с которыми связаны надежды на продолжение Дела, не всегда хотят или не готовы принять на свои плечи тяжкое бремя ответственности. Они порой заражены идеями, разрушительными для самих основ Дела. Они постепенно отчуждаются от семейных традиций, и, если они не находят для себя достойного занятия, все заметнее становится тенденция к вырождению. В каждой именитой узловской семье есть отпрыск, отмеченный знаком

вырождения: неспособностью к деятельности вообще, распутным и беспорядочным образом жизни, неустойчивостью психики, полным интеллектуальным бессилием и отсутствием нравственных принципов.

Сергей Привалов изображен как человек, который неуклонно шел к разрыву со своей средой. Первый шаг его к отчуждению от семейного Дела был сделан еще в детстве, под давлением драматических обстоятельств. Память о диком разгуле в отцовском доме, о гибели матери, ставшей жертвой унижений и жестокого обращения, отвратила его от всего, что связано с заводами и нравами богатых заводчиков. После пятнадцати лет, проведенных вдали от родных мест, его возвращение к тому, от чего он когда-то ушел, стало невозможным. Этим можно объяснить его нежелание посещать заводы, разбираться с юридическими тонкостями, связанными с опекой и наследниками, входить в проблемы управления и проч. Именно поэтому его так легко удержала от поездки в Петербург подстроенная любовная интрига и другие обстоятельства «светской» жизни в уездном городке с символическим названием Узел.

Следующее противоречие проявляется и развивается с момента возвращения Привалова в Узел после пятнадцати лет жизни в Петербурге. Именно в эти годы материализуется все то, из чего выросла проблема приваловского наследства. Ожидания и надежды уездного высшего света, связанные с приваловскими богатствами, очень быстро сменились разочарованием и пренебрежением к персоне Привалова. Дело не только в том, что постепенно выясняется реальное состояние нынешнего наследника, но и сам младший Привалов проявляет себя как не слишком умный, совсем не изворотливый и неперспективный человек, ведущий себя неадекватно как в деловых, так и в личных отношениях. Писатель, поместив своего героя в среду, где деятельность давно сведена к интриганству и нечестному приобретательству, лишил его возможности проявить тот предпринимательский потенциал, который таила в себе знаменитая

приваловская «порода». Противоречие между духом предприимчивости и нелюбовью к семейному делу Мамин-Сибиряк разрешает сюжетным ходом, отражающим специфику бизнеса и характеризующим героя: Привалов пытается основать собственное Дело в непрестижной и даже презираемой деловой элитой сфере, (построить мельницу в деревне)⁹ добиться успеха и организовать труд и отношения с работающими на него людьми на принципах справедливости и взаимного уважения. В немногих сценах, изображающих практические шаги, направленные на строительство мельницы, организацию доставки муки и сбыта хлебной продукции, Привалов обретает черты энергичного, умелого руководителя, находящего общий язык с самыми разными людьми. Он даже на какое-то время становится интересным и привлекательным в глазах красавицы Зоси Ляховской, дочери одного из его недругов-опекунов. Нечто вроде харизматической притягательности окружает теперь личность молодого хозяина, а не его почти мифические миллионы. В перспективе же новое приваловское предприятие разрастется до больших размеров, и перед Сергеем как владельцем и работодателем в полном объеме возникнет узел социально-классовых проблем, решения которых никто не мог предугадать.

Как видно из анализа текста романа, вопрос о «положительности» образа Привалова в системе романного повествования о предпринимательстве, весьма непросто. Суть в том, что сам писатель не слишком уверен в готовности и способности современного ему делового мира к нравственному совершенствованию и общественному служению, составляющим ядро истинной русской положительности. В лучшем случае, в ходе стихийной динамики возвышения одних и разорения других, более честные и достойные сумеют удержаться на плаву и сохранить свое достоинство, а более подлые и бесчестные потеряют все и попадут под суд. В романе «Приваловские

⁹ Отметим, что мельница – это определенный символ в русской культуре 19 в. Не случайно также мельничным делом занимается чеховский Алехин, герой рассказа «О любви», которому автор симпатизирует.

миллионы» так и происходит: Сергей Привалов, добившись успеха в налаживании производства хлеба, практически исчезает со сцены, но можно предположить, что дело продолжит его сын. А вот его обидчики Ляховский и Половодов, интриганы, бесчестные дельцы, сознательно доводившие дело об опеке над приваловскими заводами до полного банкротства, наказаны судьбой. Ляховского разбил паралич и разорил собственный управляющий, а Половодова довели до самоубийства низменные страсти и судебное преследование за хищение казенных денег.

Важно заметить, что ни один из этих персонажей не похож на отпетого злодея, каждый из них по-своему умен, прекрасно знает все тонкости извлечения собственной выгоды, способен на любовь и родственные чувства. Они оба обладают особым чутьем на деньги, умением выстроить стратегию, направленную на получение желаемого. По сравнению с ними Сергей Привалов – воплощение добродетелей. Суть главного художественного конфликта – это вопрос нравственности и законности средств достижения цели. На нарушение законов юридических и нравственных дельцы типа Ляховского и Половодова идут без колебаний, Привалов же держится в рамках морали и закона, предпочитая «неделание», бездействие бесчестным сделкам. Тут можно вспомнить Обломова, в абсолютном недействии которого можно увидеть проявление праведности.

Д.Н. Мамин-Сибиряк показывает, что процесс обуржуазивания неостановим, и в деловом мире место потерпевшего крах тут же занимает удачливый делец, сумевший подстеречь нужный момент и использовать против бывшего хозяина его же собственные методы обогащения. Не стало Ляховского и Половодова, но возникла и стремительно набирает вес фирма Пуцилло-Маляхинского, недавно еще бывшего у Ляховского в услужении. Есть ли хоть какой-то прочный позитив в самой природе предпринимательства или в личности, способной начать Дело, сохранить и передать следующему поколению? В романе есть такой позитив, и его носитель отнюдь не

представитель «новых людей» или философствующих изгоев. Это очень старый, физически немощный человек, представитель отцов, то есть представитель того же поколения, что и Ляховский.

Вызывает удивление, что остался почти не замеченным критикой образ еще одного героя «Приваловских миллионов», который на общем фоне узловского делового мира и по сравнению с образом Сергея Привалова выделяется бесспорным, целостным, глубинным позитивом. – Василий Назарович Бахарев, первооткрыватель большого прииска. Он выходец из «гуляевского гнезда», своеобразного семейного приюта, куда золотопромышленник Гуляев привозил сирот - детей раскольников, из которых вышло много крепких людей. Выходцы из «гнезда» отличались особым закалом. «В них продолжали жить черты гуляевского характера – выдержка, сила воли, энергия, неизменная преданность старой вере, - одним словом, все то, что давало им право на звание крепких людей». [222, с. 40]

Бахарев, проявивший великолепные деловые качества, пользовался особым вниманием и уважением Гуляева. Он и дом свой устроил в строгом соответствии с законами старой веры. Он безупречно честен в делах, не оставляет без помощи тех, кто в ней нуждается. Именно он взял на себя заботу об осиротевшем Сергее Привалове, любил его как сына, отправил учиться в Петербург вместе со своим старшим сыном Костей, сделал все, чтобы уберечь Шатровские заводы от разорения. Бахарев надеялся, что по возвращении Сергей наведет порядок на заводах, решит все проблемы наследования и вернет семейному Делу былое величие и размах. В структуре романа образу Василия Бахарева отводится значительное место. С одной стороны, он играет роль живого камертона, на котором проверяется звучание каждой новой ноты. Бахарев неизменно оказывается человеком, одобрения которого ждут. Он наделен способностью к пониманию и в конечном итоге – к признанию права детей на собственный выбор. С другой стороны, именно сравнение с Бахаревым таких персонажей, как Половодов и Ляховский,

помогает выявить степень «отрицательности» или «положительности» того или иного героя, в том числе и Сергея Привалова. Если Половодов и Ляховский - несомненные антиподы Бахарева, то младший Привалов при достаточно полном наборе положительных личных и деловых качеств лишен бахаревской цельности, силы духа и преданности семейному Делу.

Бахареву в полной мере присущи черты, которыми должен быть наделен настоящий предприниматель «Неудачи только разжигали его прямую натуру, и он с новыми силами шагал почти через непреодолимые препятствия». [222, с.43] Историю его жизни автор выстраивает в соответствии с особенностями профессиональной деятельности, для чего используется понятие «карьеры». В предпринимательском контексте оно вбирает в себя множество смыслов, означающих успешность в делах, богатство, уважение, престиж, признанный авторитет среди делового сообщества, имя, марку и все видимые атрибуты больших денег. [50, 138]. «Карьера всякого золотопромышленника полна превратностей и внезапных превращений, - читаем в романе, - а судьба Василия Назаровича была особенно богата такими превращениями. Громадные барыши и убытки чередовались между собой. Это переменное счастье проходило красной нитью через всю его жизнь и придавало ей особенно интересную окраску». [222, с. 48] Природная адаптивность сочетается в нем с верностью усвоенным с детства нравственным заветам. Он проявляет способность понять и оценить значение образования для процветания Дела в меняющихся условиях, видя, что «теперь другие люди, другое время, другой язык, интересы, разговоры; новая среда, новые люди» [222. с. 149] (Этот характер явно развивает положительные черты гончаровского Штольца).

Драматическое звучание образа возникает в связи с молодым поколением Бахаревых. Дочь Надежду, умную, волевою, самостоятельную, воспитывал сам Бахарев. К ней он обращался в трудные минуты за поддержкой и пониманием. Однако отец без колебаний выгнал Надю из дому, когда узнал о ее незаконном браке с Лопуховым. Он решительно высказывается против затеи

Сергея со строительством мельниц, давно махнул рукой на младшего сына – Виктора, который никак не мог стать для него опорой в продолжении семейного Дела. Надо отдать должное психологическому мастерству Д.Н. Мамина-Сибиряка: под его пером указ. выше качества человека и бизнесмена у Бахарева составили гармоничное целое, определяют каждый его поступок.

Кульминационным моментом истории жизни Бахарева является решительный шаг, предпринятый им в целях спасения своего состояния, денег, чести, доброго имени. Преодолев старческую слабость, остракизм со стороны уездного общества, горечь от того, что отказался ему помочь человек, которого он когда-то выручил из беды, он бросился на прииски, сумел переломить ситуацию и вернулся с победой. Все, что конкретно предпринял Бахарев для возвращения утраченного, остается за рамками текста, но для писателя важно показать, что идея «гуляевского гнезда» жива и именно в ней кроется смысл и значение самого Дела. Не случайно именно Бахарев, а не Привалов ведет за руку маленького Павла Привалова, в котором соединились все надежды. Он собрал свое – бахаревское «гнездо», в котором юное поколение вберет в себя все лучшее, все, что он сумел сохранить. Нить преемственности с достойным прошлым не прервалась, она связала его с будущим. Таким образом, в этом романе перед российским читателем появился тип героя-предпринимателя, чьи личностные и профессиональные качества стали ядром «положительности» на все последующие времена.

Что же в конечном итоге представляет из себя роман Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» с точки зрения жанровой природы? Можно сказать, что, едва родившись как специфическая ветвь социально-ориентированной литературы, роман о предпринимательстве уже был насыщен нравственно-психологической проблематикой, не уступавшей по своей остроте всему массиву российской прозы того времени. А с точки зрения композиции сюжета это произведение – едва ли не первое, которое можно отнести к типу семейной эпопеи. Важнейшим параметром, программирующим жанровую

специфику этого романа, является его хронотоп. Романное время охватывает практически целое столетие: от освоения Сибири рубежа XVIII – XIX вв. до 60-70-х гг XIX-го века. В этот отрезок укладывается судьба трех поколений, и открыты перспективы в новые времена с новыми нравами и ценностями. Повествование развивается, следуя естественному течению времени, смене поколений и поступательному движению социально-экономического прогресса. Перед читателем произведение, в котором историческое время, социальные условия, психологические типы, среда обитания и нравы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Предпринимательство предстает как среда, насыщенная особой энергией, движущей силой, запускающей социально-экономические процессы невиданной преобразующей мощи. Исследование условий, порождающих характеры, адекватные этим процессам, а также психологию новых профессиональных отношений, стало новым содержанием семейных эпопей типа «Приваловских миллионов», «Дела Артамоновых» М. Горького, «Угрюм-реки» В. Шишкова.

Топос в романе Мамина-Сибиряка также соответствует эпопейному началу произведения. Это точка в географическом пространстве России, удаленная от привычных центров российской цивилизации, от нее нити протянуты еще дальше за пределы освоенных литературой пространств. Место действия – провинциальный город Узел, связанный с ближними (Шатровские заводы) и дальними (Варваринские прииски) центрами предпринимательской деятельности. Именно в них вершатся дела, двигающие промышленный прогресс, а в узловских конторах осуществляется управление Делом, тратятся деньги и приводятся в действие все тайные денежные и бюрократические рычаги. Здесь же плетутся интриги, приводные механизмы которых располагаются за тысячи километров отсюда, в чиновничьих столичных кабинетах и светских салонах. Создается ощущение огромных пространств, земель, населенных народами и племенами, невиданных сооружений, втягивающих в себя тысячи людей. Небывалые размеры, неохватные просторы,

неслыханные темпы, несметные богатства – все это требует новых поэтических моделей, в которых эпический масштаб повествования сочетается с глубиной социального и психологического анализа. Все эти признаки современного социально-психологического романа в исследуемом произведении есть.

Этому содержанию отвечает и тип исходного художественного конфликта, соответствующий специфической природе предпринимательства. Это всегда борьба, соперничество, конкуренция, экстремальные ситуации, связанные с риском потери всего, разорения, падения с достигнутых высот, безжалостное уничтожение, гибель и т.д. В эту орбиту втянуты все - хозяева, их родственники и друзья, служащие и домашняя прислуга, ближнее и дальнее окружение. Это создает особое эмоциональное напряжение и новый ракурс в изображении человеческих отношений, до сей поры не известный русской литературе. Сословные противоречия, любовные драмы, семейные неурядицы, межличностные отношения, – все это вторично на фоне главных – деловых отношений. Они приводят в действие внутренние и внешние силы и управляют их расстановкой. Это воля и стремления самого хозяина Дела, его отношения с партнерами и клиентами, ситуация на рынке, угрозы и уязвимость самого Дела, а далее способы ведения дел и управления – честные и допустимые с моральной точки зрения или бесчестные и незаконные.

Именно в этом проблемном поле располагается широкая оценочная шкала: удачная спекуляция, сложная комбинация, принесшая гигантскую прибыль, тонкая интрига против конкурента, финансовые махинации, и прочее, – это ведь тоже бизнес, его способ функционирования, его природа. И как же ко всему этому относиться, если, в конечном счете, страна идет по пути прогресса? Это вопрос, который объективно возник еще во времена гончаровского Штольца, и ни один из последующих писателей не смог на него ответить однозначно. А к моменту выхода в свет романа «Дело Артамоновых» в теме предпринимательства все яснее стали проявляться мотивы, которые лишь угадывались в предыдущие периоды ее художественного освоения.

1.7. Выводы

Тема предпринимательства и образ предпринимателя в русской литературе на рубеже XX и XXI вв. приобрели особое значение в связи с общественным интересом к проблемам экономического и социального развития России. Эти проблемы, в свою очередь, напрямую связаны с нравственным усовершенствованием российского бизнес-сообщества, в котором художественная литература может сыграть положительную роль. Подобная ситуация уже имела место в российской истории на рубеже XIX и XX вв., и ее изучение поможет выяснить многие вопросы формирования особого типа повествования со специфической проблематикой, типом героя и системой изобразительных средств.

Образ предпринимателя в истории русской литературы еще не стал объектом всестороннего научного исследования. В немногих работах на эту тему внимание уделяется в основном отношению литературы к людям нового типа, деятельность которых определяла экономическое развитие России. Без серьезного внимания остался целый комплекс литературоведческих проблем, касающихся жанровой природы, специфики поэтической системы и типологии героев произведений о предпринимательской деятельности. Предметом исследования может стать литературная традиция в рамках реалистической отечественной прозы, в которой отразилась история возникновения и развития класса предпринимателей со своими героями, конфликтами и нравственно-философскими оценками.

Романы «Обломов» И.А. Гончарова, и «Приваловские миллионы» Д.Н. Мамина-Сибиряка объединяет то, что они освещают разные этапы формирования капиталистических отношений в России, обращаясь к изображению среды, еще мало известной русскому читателю. Предметом эстетического освоения стала деятельность промышленников, фабрикантов, заводчиков, коммерсантов и пр. деловых людей, направленная на создание

крупных предприятий, компаний, банков. Эта сфера жизни резко отличалась от традиционного застойного помещичьего существования, ставшего тормозом для экономического и социального прогресса России. В целом эта деятельность оценивалась положительно как вклад в общественное благо. Однако писатели отметили, что саму суть предпринимательства составляет погоня за прибылью, накопительство, приобретательство, разгул хищнических инстинктов, что оказывает губительное действие на душу людей, разрушает нравственные устои, искажает духовные ценности. Присущие деловой практике авантюризм, рисковость, правовой и моральный нигилизм давали писателям драматический жизненный материал и в то же время заставляли задуматься над нравственным смыслом, целью и ценой, которую платит человек за материальный успех.

В исследуемых романах осуществлялся поиск художественной формы, адекватной новому жизненному содержанию. Писатели не просто развивали сложившуюся к этому времени традицию реалистического социального романа, но и разрабатывали новые способы изображения непривычной для литературы предпринимательской среды с ее типичными героями, сюжетами и конфликтами. Прослеживается преемственность в изображении нового типа героя - человека действия, и на каждом новом этапе этот тип обогащается и усложняется за счет более глубокой психологизации образов и многостороннего изображения сферы его деятельности. Героев Гончарова, Мамина-Сибиряка, Горького роднит целый комплекс специфических черт, необходимых для успешной деятельности в деловой сфере, однако каждый из них несет авторский посыл, отражающий оценку как предпринимательства в целом, так и его конкретного субъекта.

И.А. Гончаров в образе Штольца представил позитивную модель активной личности, чей материальный интерес облагорожен духовными поисками. Позитивное содержание этого образа в том, что он символизирует

действие, направленное на преодоление инертности, социальных рамок, несвободы.

В модели деловой среды, изображенной Д.Н. Маминым-Сибиряком, встречается большое разнообразие типов, обобщающих позитивные и негативные стороны предпринимательской деятельности. Четко обозначены нравственные критерии, по которым автор судит своих героев. Отрицательные персонажи – это те, кто свою предпринимательскую деятельность строят на принципах безудержного хищнического обогащения, обмане, мошенничестве, незаконных и безнравственных действиях. Положительными предстают те герои, в которых деловые качества, личные достоинства, честность, высокие моральные устои сочетаются с готовностью служить обществу, по возможности приводя в гармонию экономические и социальные отношения.

Понимание сущности предпринимательства как борьбы экономических интересов отразилось на содержании и структуре художественного конфликта исследуемых романов. В «Обломове», где практически отсутствует изображение предпринимательской деятельности, конфликт имеет многоуровневый нравственно-философский характер: как противопоставление характеров (пассивного и активного), противостояние жизненных укладов («обломовщины» и общественно полезной деятельности) и, наконец, как противопоставление «недействия» (праведности) – «абсолютному действию». В ходе развития социального романа как эпического жанра все большее значение в изображении предпринимательства приобретал нравственно-психологический аспект, в результате чего конфликт перемещался в сознание героя. Одним из первых в этом плане стал герой «Приваловских миллионов», с которого начинается галерея персонажей, «выпавших» из своего Дела и среды.

Постепенно реальные явления, сопровождавшие процесс капитализации российского общества, делали художественный конфликт романа о предпринимателях все более сложным и многоаспектным. В него включались

политические и идеологические мотивы, связанные с развернувшейся классовой борьбой, с борьбой монархических, либерально-демократических, социалистических и др. идей. Социально-экономические противоречия были частью содержания большого массива русской литературы этого периода, а в произведениях типа «Дела Артамоновых» они осложнили и без того непростые отношения между поколениями отцов, детей и внуков. Этот конфликт продолжал сохранять актуальность и в советский период.

Обращение к предпринимательской деятельности дало новый толчок развитию жанра социального романа, а попытки отразить эту среду в сюжетах и портретах привели к углублению психологического анализа. В результате можно говорить о развитии жанра социально-психологического романа, в котором были сильны эпические признаки. Они проявились не только в типе хронотопа, но и в том, что родословные героев связаны с этапами развития российского общества. В русской прозе были представлены как отрицательные, так и положительные образы деловых людей, причем негативные образы преобладали и были более реалистичными. В них, как показано выше, более полно представлены основные признаки концепта «предприниматель» и эти признаки корреспондируют с проработанными характеристиками образа, а не просто названы (как это видно на примере образа Штольца в романе И.А. Гончарова «Обломов»).